

A movie poster featuring Kirra Faridi and a man in a pinstripe suit. The background is a soft-focus blue and purple with bokeh light effects. The man is on the left, looking intensely at the camera. Kirra Faridi is on the right, looking over her shoulder. The title is written in large, stylized red letters at the bottom.

Кира Фарди

**Завоевать
ДЬЯВОЛА**

Кира Фарди

Завоевать дьявола

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Выплеснуть на голову посетителя графин воды – пожалуйста.

Согласиться на сделку с совестью – сложно, но возможно.

Выйти замуж за босса – запросто.

Каждый день желать смерти мужу – раз плюнуть.

После предательства любимого человека я катилась по наклонной, и никто не мог остановить это падение. И вот на горизонте моей никчемной жизни появился ОН – дьявол, искушитель, соблазнитель женского сердца. Отныне завоевать его – главная моя задача.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	55
Глава 6	69
Глава 7	83
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Кира Фарди

Завоевать дьявола

*Велик соблазн идти по двум дорогам,
Страдать, метаться, нужный путь открыть.
Но точно знаю: Дьявола и Бога
Нельзя о равных милостях просить.*

Кира Фарди

Пролог

– Пути господни неисповедимы, – говорила мне бабушка, расчесывая на ночь волосы. – Никогда не знаешь, внученька, как повернется твоя судьба.

Эти пророческие слова я вспоминаю всю свою недолгую жизнь.

Родители отправляли меня в деревню Храмовники, где жила моя бабуля, при любой возможности. Я очень любила эти путешествия, потому что в соседний дом тоже привозили внука, и все детство мое прошло в контакте с этим мальчишкой. Его звали Глебом, и он был старше меня на четыре года.

Он нянчился со мной, когда я была крохой. В три года он таскал меня в лес за деревней и кормил по дороге малиной.

Так рассказывала бабуля, потому что я совершенно не помню себя в этом возрасте. Я приходила домой с красными от ягодного сока щеками, уставшая, но совершенно счастливая, и мгновенно засыпала на полу, не успев даже добраться до кровати.

В шесть лет Глеб учил меня читать. Он выводил буквы палочкой в придорожной пыли и заставлял повторять за ним слоги. Когда я бестолково ошибалась, сердился и ворчливо называл меня «Глупой Полькой», а я в ответ твердила: «Сам такой! Бе-бе-бе!», – и пряталась за спинами бабушек, наблюдавших за нами, сидя на скамеечке перед домом.

В десять – защищал от соседских мальчишек и показывал приемы борьбы. В пятнадцать лет, когда я приехала в деревню, он служил в армии. Это было самое долгое для меня лето. Я целыми днями проводила на сеновале, мечтая о нашей встрече, когда он вернется, или на чердаке дома, разбирая старые фотографии и книги.

В семнадцать лет Глеб помог мне пережить гибель подруги. Таня влюбилась по уши в соседского мальчишку, а когда тот, пользуясь ее доверчивостью и юной глупостью, переспал с ней и бросил, наглоталась таблеток.

В девятнадцать он вытащил меня из депрессии, в которой я оказалась из-за смерти отца, а потом и бабули. Он же стал моей первой любовью и первым мужчиной. В двадцать два он привел меня в компанию, в которой работал водителем директора.

Сейчас мне двадцать три года, а ему – двадцать семь. И сегодня я выхожу замуж... за его босса.

Глава 1

– Господи, Полька, какая ты красивая! – восхищенно цокала языком мама, оглядывая меня со всех сторон. – Как у меня могла получиться такая чудесная доченька?

Я подошла к зеркалу. Свадебное платье лежало, раскинутое на кровати, чтобы не помялось. Пока на мне были надежды только белье и кружевные чулки телесного цвета. Я вгляделась в отражение. Действительно, пожаловаться на свою внешность я не могла.

Темные волосы, заплетенные в модную широкую косу и заколотые шпильками с натуральным жемчугом, прелестное лицо, на котором возбужденным светом горели большие синие глаза, высокая грудь, еще больше приподнятая бюстгалтером, тонкая талия, длинные и стройные ноги, словом, не женщина, а мечта любого мужчины. Это я прекрасно понимала и пользовалась своей властью над ними, как умела.

«Мама, ты на самом деле думаешь, что я такая прекрасная? – усмехнулась про себя я и скосила глаза – Бедная моя мамочка! Ты разве не догадываешься, какой стервой выросла твоя обожаемая девочка? Ты разве не понимаешь, за кого я сегодня выхожу замуж?»

Но мама, кажется, ни о чем не догадывалась... или делала вид, что не догадывается. Ее практичная натура хамелеона по жизни просчитала все выгоды и риски моего брака и сде-

лала выводы в свою пользу. Наверняка моя любимая мамуля уже прикинула, на каких курортах она отдохнет на денежки моего мужа. В ее глазах так и щелкали монетки, а в ушах шелестели купюры, достоинством не менее пяти тысяч.

– Мама, я хочу немного побыть одна.

– А кто тебе поможет застегнуть платье?

– Позови Глеба.

– Ты сошла с ума! Что твой будущий муж подумает, если его шофер станет застегивать тебе платье?

«Вообще-то мне совершенно наплевать, что он скажет или подумает, – усмехнулась я. – Пощекотать обоим мужикам нервишки – это небольшая плата за то, что один продал, а другой получит мое тело».

В ожидании Глеба я села на кровать и осмотрелась.

Я впервые была в этом особняке, обставленном с помпезной роскошью. Огромная кровать под тяжелым балдахином казалась пыльным скоплением сапрофитов и вызывала отвращение, как только я представляла, чем этой ночью мне придется на ней заниматься. Чтобы отвлечься, я подошла к белым шкафам, занимавшим стену напротив и отделанным, (какая безвкусица!) металлической инкрустацией. Я провела пальцем по украшению, ничего, кроме брезгливости, у меня не вызывавшему, а потом открыла дверки.

Фу, костюмы, костюмы, костюмы... И все мрачного цвета. А запах? Так пахнет старость? Ужас! Кажется, я задохнусь в этом доме раньше, чем выйду замуж.

Второй шкаф был девственно пуст. Ого! Кажется, это местечко приготовлено для меня. А куда делась одежда его бывшей жены? Она с собой ее увезла, или он просто выкинул? Я повернулась: на стенах висели картины, но не было видно ни одной фотографии. Этот козлик престарелый решил от меня родственников спрятать? Стыдно ему или делиться красотой не хочет?

– Поля, ты меня звала?

В дверь просунулась голова Глеба. Мое сердце заныло. Я смотрела на его милое лицо, а в груди рос комок гнева и готов был выплеснуться бранью на когда-то любимого, а теперь глубоко презираемого мною человека. Глеб кинул на меня мгновенный взгляд и опустил глаза. «Что, стыдно? Смотри, гад, любуйся. Пусть твоя мелкая и жадная душонка провалится в ад!»

– Да. Помоги мне надеть платье.

Я сделала два шага к нему, покачивая бедрами и источая сексуальность, потом картинно наклонилась, якобы поправляя чулки. Дала ему насладиться ароматом своих духов и полушариями прекрасных грудей, выглядывавших из кружева бюстгальтера, и развернулась к кровати, втайне надеясь, что он смотрит мне вслед, и мои упругие ягодицы стоят у него поперек горла... или еще где. Неважно.

Я томно обернулась... облом! Глеб бесшумно закрыл за собой дверь и, по-прежнему глядя в пол, пошел ко мне.

Он взял в руки свадебный наряд и помог мне с ним спра-

витья, ни разу не задев своими ладонями мое тело. «Бережет для хозяина? – мелькнула неприятная мысль. – И этого человека я когда-то любила!»

Я дернула плечом и капризно выгнула спину.

– Лямка бюстгальтера упала. Поправь!

– А сама не можешь?

– Нет, теперь я твоя госпожа, а ты мой раб. Выполняй!

Глеб опять, путаясь в петельках, расстегнул сзади крохотные пуговички, ряд которых бежал по спине, и неуклюже полез к моему плечу. Его пальцы подрагивали. «Так тебе и надо! Будешь знать, как отдавать любимую другому мужику!»

Я слегка повернула голову и скосила глаза – его лоб был покрыт бисеринками пота. На мгновение мне стало его жалко: детские годы, проведенные вместе, отпечатали след в моей душе.

– Прости меня, Полина, – это ветер колышет тяжелой портьерой или он шепчет мне на ухо? Я прислушалась. – Не могу я противостоять этому человеку.

Я резко развернулась и вlepила Глебу пощечину. Его голова смешно дернулась, а щека покраснела.

– Это твои проблемы. Я тут причем? – меня прямо трясло от едва сдерживаемой злости. – Сестру свою продай!

– Он не хочет Маринку. Он захотел тебя, как только увидел.

– А ты и рад стараться?

– Неправда. Я уже сто раз пожалел, что мы с тобой это

затеяли. Хочешь, сбежим? Вот сейчас спустимся вниз, сядем в машину и уедем.

Глеб дернул меня к себе. Его шепот обдал жаром шею. На секунду волной всколыхнулась радость, но тут же померкла.

– Руки убери! Забудь. У тебя был шанс, но ты им не воспользовался.

– Попробуй увидеть в этой ситуации положительный момент. Босс уже старый, в постели ему даже Виагра не поможет. Ты молодец у меня, обломала ему кайф, не дала просто так собой воспользоваться. Заставила жениться. Представляешь, – глаза Глеба лихорадочно блестели, слова вылетали изо рта вместе со слюной, – он скоро окочурится, и ты останешься богатой вдовой. Все наши проблемы как по волшебству решатся.

– Наши? Ты сказал: «Наши!». А ну, пошел вон отсюда! – я просто кипела от злости и сопровождала бы свои слова пинком в зад, но тяжелое платье с длинным шлейфом помешало.

Глеб сбежал от греха подальше: он знал, если я рассержусь, то мало никому не покажется.

Я осталась одна. И что дальше? Кто меня поведет к алтарю? Зачем я это делаю? Почему поддалась уговорам Глеба и мамы согласилась на такой шаг? Я села на кровать и грустно уставилась в пространство. Воспоминания волной накрыли меня.

Глава 2

В день, когда Глеб принес мне листок с объявлением о том, что состоится конкурс на должность секретаря-референта, я ничего не делала. Просто валялась на кровати и читала очередной любовный роман. После окончания университета я так и не нашла приличное место в компании и перебивалась временными подработками то там, то сям. Денег катастрофически не хватало. Моя мама, привыкшая всегда жить на широкую ногу, давно растратила семейные накопления и каждый день пилила меня.

– Ты почему лежишь? Почему не ищешь работу? Надо устроиться в большую фирму. С твоими данными ты легко очаруешь хозяина. Главное для современной девушки – удачно выйти замуж.

– Как ты? – парировала я.

– Да, как я. А чем плоха наша с папой жизнь?

– У тебя, возможно, она была великолепной, а вот папу я помню постоянно уставшим. Он дневал и ночевал на работе, чтобы сделать твою жизнь прекрасной.

– Мужчина и должен зарабатывать, – уверенно отвечала мама. – Он просто обязан содержать жену и детей.

– Вот ты его и загнала в могилу.

– Ерунду говоришь. У Миши сердце остановилось, я тут, каким боком виновата?

Такие перепалки случались у нас каждый день. Сначала я кипела от злости и винила во всем мать, а потом неожиданно привыкла и уже спокойно реагировала на ее нападки. В одном она была права: выходить замуж за Глеба и плодить нищету, как мама выражалась, не было никакого смысла даже по великой любви. С милым рай в шалаше – этот постулат не для нашей семьи.

Глеб позвонил по телефону и вызвал меня на прогулку в парк. Домой он заходить боялся: мама относилась к нему, как к дворняге, неожиданно пожелавшей спариться с благородным пуделем. Ни цветами, ни подарками он не смог завоевать ее расположение, а потом и вовсе перестал стараться. Иногда мне казалось, что я встречаюсь с ним по привычке, сложившейся с детства, а не потому, что пылаю к нему прежней страстью.

Я пришла первой и села на скамеечку, любуясь чудесным днем. Над головой шелестела листьями стройная березка, на ее ветке сидела какая-то пичужка и выводила рулады. Мимо проехала на велосипедах парочка влюбленных. Он смотрел с обожанием на свою подругу, а она весело смеялась. На лужайке сидела семья с детьми, видимо выбрались в солнечный и теплый день на пикник.

– Смотри, что я принес, – услышала я голос Глеба и повернулась. Он сунул мне в руку глянцевый листок. – У нас в компании в холле висит. Девочки на ресепшн сказали, что объявление о вакансии уже идет рекламной строкой по теле-

видению и есть в газетах.

Я взяла листочек, но, очарованная чудесным днем, смотрела только на Глеба.

– Глеб, давай плюнем на все и поженимся!

– Зачем?

– А по-другому вопрос ты не мог задать? – он будто окатил меня ведром холодной воды. Солнце сразу скрылось за набежавшим облаком, и я зябко повела плечами.

– Полька, я принес тебе предложение намного лучше, чем замужество. Ты только представь, какие перед нами открываются перспективы!

– Перед нами?

– Ты почитай, почитай!

Я внимательно вгляделась в объявление.

Компания нуждается в секретаре-референте со знанием английского языка.

Обязанности:

- организация рабочего дня руководителя;
- встреча посетителей и гостей, организация деловых совещаний;
- прием и распределение входящих звонков;
- обеспечение документооборота входящей и исходящей корреспонденции, подготовка ответов.

Требования:

- опыт работы в подобной должности от 1 до 3 лет;
- грамотная устная и письменная речь;
- английский язык письменный и устный не ниже

unter-intermediate;

- знание разговорного испанского языка;
- знание основ делового этикета;
- организованность, ответственность, доброжелательность, хорошие коммуникативные навыки;

- уверенный пользователь ПК: MS Office, интернет.

Условия работы:

- социальные гарантии в полном объеме;
- рабочий день с 9:00 до 18:00;
- бесплатные комплексные обеды;
- заработная плата по результатам собеседования.

Я задумчиво перевернула листок, надеясь, что там еще что-то приписано, но его обратная сторона была девственно чистой.

– Что скажешь? Такие крупные фирмы, как наша, редко дают объявление о вакансии. Каждый сотрудник зубами держится за место.

– А что случилось сейчас? Куда делась секретарь-референт босса?

– Замуж вышла и решила уйти в декретный отпуск.

– О, какой ужас! – сыронизировала я. – Она совсем ненормальная? А если я соберусь туда же?

– Ты сначала замуж выйди. Есть кто-то на примете? – пошутил Глеб и покосился на меня.

– Вообще-то был, но он последнее время уходит от этого вопроса, – теперь я смотрела на друга и наблюдала, как он

прячет глаза. – Кто-то обещал на мне жениться еще с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Вот уже, – я стала загибать пальчики, – почти пять лет жду.

– Поль, ты пойми, я единственный кормилец в семье. Мне сестру выучить надо, и мама болеет. Как я сейчас приведу жену? Да и ты не захочешь жить в тесной хрущевке и спать на продавленном диване в проходной комнате.

– Зато у нас с мамой большая квартира.

– Пойти в примачи? За кого ты меня принимаешь? Нет, я пока сам не встану на ноги, не женюсь.

Я смотрела на друга и думала о том, что такие разговоры я тоже слышу уже пять лет. Ему двадцать семь. Сколько еще нужно, чтобы встать на ноги? Все годы он работает в этой фирме, но у водителей нет карьерного роста, а самого Глеба, кажется, его профессия вполне устраивает. Я вздохнула: «Эх, жизнь – моя жестянка. Придется брать ее в свои руки!»

– Хорошо, я отправлю резюме, только меня смущает два момента.

– Какие?

– У меня нет опыта работы в этой области. И ни в какой другой тоже нет.

– Это неважно. Наш шеф очень любит смазливые личики, а ты у меня настоящая красавица.

Глеб потянулся ко мне губами, но я брезгливо отодвинулась.

– Так, я еще и подстилкой твоего босса должна стать?

– Нет, что ты! Это от тебя зависеть будет. Как себя поведешь. Он рамки приличия соблюдает, не совсем на телках двинутый, – заторопился Глеб. – А второй, какой момент тебя смущает?

– Я не знаю испанский язык. И вообще, зачем он ему?

– Да, не знаю. Вроде у него испанские корни. Ну, у нас в России есть русские немцы, а он – русский испанец. Да и фирма имеет выход на иностранный рынок. Он часто проводит встречи то в России, то в Испании, – глаза Глеба опять забегали.

– Но я не знаю испанский. Ни слова! А, нет, знаю, чика – это девушка. Все!

– Это неважно. Полька, ты только представь перспективы: хорошая зарплата, поездки за границу, общение с важными людьми.

– А если я босса соблазню? – эти слова вырвались изо рта внезапно, и я замерла, испугавшись реакции Глеба.

Но он отреагировал спокойно, даже, кажется, обрадовался.

– Запомни свои слова. Это будет вообще идеальный вариант, – тихо сказал мой любимый.

– С ума сошел? Ты хочешь подложить меня своему боссу?

– Поль, не горячись. Ты сама это сказала. Просто подумай, какие перед нами открываются возможности! Я вообще хочу предложить тебе сделку.

– Какую? – я смотрела на него круглыми глазами и втай-

не надеялась, что мой Глебушка шутит. А, поняла, он меня просто дразнит. Точно! Вот сейчас засмеется и скажет: «Прости, Польша, я такой у тебя дурак!» Но мои надежды не оправдались.

– Сама понимаешь, я знаю все ходы и выходы в этой фирме. Я помогу тебе выиграть кастинг.

– А я в ответ, что должна сделать?

– Соблазнить босса и выйти за него замуж.

– Ты с дуба рухнул, дорогой? – я все еще не верила, что все происходящее со мной – правда.

– Почему? Хозяин – человек в возрасте, в любой день может коньки отбросить. Ты останешься молодой и красивой вдовой с огромным состоянием на руках.

– Губу закатай! – усмехнулась я. – У него сам говорил, родственники есть.

– Честно? Я кроме его жены, старушечки в мехах, никого не возил, а я за годы работы на шефа изучил всю его подноготную.

– Стоп! Я даже слышать ничего не хочу! Я никогда, понимаешь, никогда, не лягу в постель к старику только для того, чтобы стать после его смерти богатой!

– Ну, и дура! Тебя природа наградила великолепным телом, научись им пользоваться, в конце концов!

Я вскочила, яростно вытирая брызнувшие от злости слезы, и побежала по дорожке. Ни чудесный летний день, ни радостно поющие птицы, ни гуляющие влюбленные парочки –

ничто меня уже не интересовало.

Глеб догнал у выхода из парка. Он обнял меня сзади и прижал к себе.

– Тихо, тихо, малыш! Не надо так реагировать. Я пошутил.

Я еще всхлипывала, но сердечко уже таяло от счастья: мой дорогой, мой любимый одумался и отказался от своей идеи.

– Спасибо, любимый.

– Поль, – выдохнул он мне в шею, – Я тебя не принуждаю, но ты все же, подумай. Его дыхание стало тяжелее. – Пойдем ко мне. Я с ума сойду, какая ты сладкая.

– Не хочу! У тебя дома мама. Лучше ко мне.

Мы взялись за руки и побежали к стоянке такси. Нас переполняли эмоции. Всю дорогу мы смотрели друг на друга и не могли наглядеться. Рука любимого лежала на моем бедре, и, если бы не водитель, неодобрительно поглядывающий в зеркало, Глеб, наверное, овладел бы мною прямо в машине.

На этаж, где я жила с мамой, мы чуть ли не взлетели. Уже в прихожей, как только мы вбежали, разгоряченные страстью, в квартиру, Глеб нетерпеливо стал срывать с меня одежду. Я дрожащими пальцами никак не могла расстегнуть его джинсы, поэтому он справился сам. Кинул меня на кровать, каким-то сверхбыстрым, почти неуловимым движением поднял мои ноги и вошел одним точным ударом. Дрожь пробежала по всему телу, я выгнулась и застонала.

Оргазм был настолько сильным, что, когда я очнулась, по-

чувствовала, как по моему лицу текут слезы.

– Любимый мой, единственный, – шепнула я на ухо Глебу, а он что-то невразумительное промычал в ответ.

Мои руки гладили его влажную кожу, ноздри вдыхали упоительный аромат, и я была на седьмом небе от счастья.

– Я в душ, – выдал Глеб, легко соскользнул с кровати и направился к выходу.

Я смотрела ему вслед. Казалось, что его спина создана божеством. Широкие плечи, узкая талия, крепкие ягодицы, рельефные мышцы – Глеб следил за своим телом, работая не только водителем при боссе, но и его охранником. На правом плече – татуировка в виде орла.

– Я с тобой, – подхватила я, почувствовав, что как снова мурашки побежали по телу, но Глеб только махнул рукой и исчез.

Я замерла на месте. Остынь, дура! Он сто раз прав: заниматься сексом дома – верх глупости. Я сразу представила, как мама открывает квартиру, а там... Вещи разбросаны по всем углам, запах мужских духов разливается по гостиной, из спальни дочери доносятся стоны, и чмокающие звуки сопровождают их. Ужас.

Я тоже встала с постели, накинула пеньюар, вышла из комнаты и стала собирать разбросанные вещи. Один носок Глеба вообще обнаружила на телевизоре. Только отнесла одежду в комнату, как Глеб открыл дверь ванной.

– Тебе кофе сварить? – деловито поинтересовался он, вы-

тирая голову полотенцем.

– Давай, только оденься сначала, а то вдруг... – вздохнула я, понимая, что сегодня наше свидание подходит к концу.

Я вышла из ванной, когда аромат кофе призывными запахами распространился по всей квартире. Мы сидели друг напротив друга и молчали. К чему лишние разговоры? Мы всегда хорошо чувствовали и дополняли друг друга, и до недавнего времени я искренне считала, что у нас идеальный союз. Мне никогда даже не приходило в голову посмотреть на другого мужчину, а Глеб... ну, не знаю, какие тараканы живут в его голове. Иногда он меня здорово удивлял, как сегодня, например.

– Полюшка, я хочу, чтобы ты все же подумала над моим предложением, – прощаясь, сказал Глеб. – Ты только представь, какие перспективы оно нам откроет!

– Глеб, нам и так хорошо, правда? – все еще надеясь, что он шутит, сказала я и посмотрела на любимого самым жалостливым взглядом, на который была способна моя натура.

Но зря. Глеб, если что-то задумал, от своих намерений не отступал. Он поцеловал небрежно мочку уха, чем вызвал у меня опять дрожь во всем теле, а потом открыл мою сумочку и сунул туда листок с объявлением.

* * *

Возможно, я бы из духа противоречия выкинула эту бу-

мажку и забыла о предложении, если бы не мама. Именно в этот вечер она решила в моем кошельке прихватить немного денег, чтобы пойти на встречу с подружками. Увидев листок с объявлением, она вцепилась в меня, как пиявка, и несколько дней проводила воспитательную работу, к которой подключился и Глеб. В этой ситуации давние враги оказались единомышленниками.

Мама каждую минуту напоминала мне о том, что я должна обеспечить ей защищенную старость, а Глеб звонил ежедневно и давил, давил, давил...

Наконец они хором меня добили. Я прониклась важностью момента, и подумала: «А почему бы и нет? Что тут такого? Я могу воспользоваться помощью Глеба и получить работу, но совсем не обязательно соблазнять босса. Пусть старичок доживает свой век спокойно, а паразит Глебушка обломается. Это будет моя маленькая месть за его предательство».

Я составила резюме и отправила его на сайт фирмы. В моей жизни наступило благословенное затишье: мамуля мне всячески угождала и даже деньги просила только займы (интересно, а с какого заработка она их планировала отдавать?), а Глеб забросал комплиментами, но большее он, видимо, был не способен.

Какое-то время меня никто не трогал. В тот день, когда пришло смс, я работала в кафе «Шоколадница». Утро не задалось. Во-первых, моросил мелкий августовский дождик.

Казалось, до осени еще далеко, но погода в последний месяц лета резко изменилась и не радовала жителей Москвы ни солнышком, ни теплом. Во-вторых, вредный клиент, долго ждавший свою чашку кофе, выплеснул на меня, когда я ее принесла, все свое негодование.

– Девушка, вы работаете или спите? – с легким акцентом кричал красивый молодой человек южных кровей. Он потряхивал волнистыми волосами с редкими проблесками седины и сверкал горячими черными глазами.

– Простите, клиентов много, – попыталась оправдаться я, хотя хозяин кафе не раз мне говорил, что лучше с посетителями не связываться.

– Так, шевелиться должна, корова! – ответила его спутница, дылда с разноцветными локонами в волосах.

– Простите, кто? – во мне начало закипать дерьмо. «Это я-то корова? Мою талию пальцами обхватить можно!»

Я уже едва сдерживалась, чтобы не опрокинуть эту чашку на голову хамке.

– Нерасторопная корова, – повторил клиент, и засмеялся: слово ему понравилось, видите ли! Потом он схватил кофе и хлебнул большой глоток.

Это он сделал зря. Кофе мы подаем о-о-очень горячим.

– Я вам сейчас счет принесу, – удовлетворенно улыбаясь, я направилась к стойке бара, как вдруг на меня налетели сзади.

Кто-то дернул за локоть и резко развернул. Я оказалась

лицом к лицу с недовольным, мягко сказано, клиентом. Сердце пропустило один удар. Нет, я не боялась. Просто вблизи этот мужик оказался восхитительно красивым, настоящий дьявол.

– Что вы себе позволяете!

– Ты еще и смеешься? – вращал глазами посетитель, которого трясло от злости.

– Нет.

– *Ni ja de puta!*¹

– Что? – не поняла я. – Вы меня сейчас оскорбили?

В ответ он разразился тирадой на непонятном мне языке. Кажется, это был испанский, но я сомневалась: несмотря на требование, обозначенное в объявлении, я так и не начала заниматься языком. Зачем? Никто не сказал, что меня примут на работу. Даже приглашение на собеседование еще не прислали.

Со мной так нельзя. Я очень ценю свое достоинство и совершенно не виновата, что он, не попробовав губами температуру кофе, решил выпить его одним залпом, как водку. Я молча подошла к стойке бара, взяла графин с водой и вылила ее на голову орущего мужика.

– Остынь, дорогой!

Тот вытаращил на меня глаза и захлебнулся словами. Потом я сняла фартук, бросила его на стул и вышла из кафе, провожаемая взглядами ошарашенных посетителей и выбо-

¹ *Ni ja de puta!* – сукина дочь – (испанский язык).

жавшего из кабинета директора.

Смс брякнуло в моей сумочке именно в этот судьбоносный момент моей жизни. «Приглашаем вас на собеседование в понедельник, 6 августа, в 10-00 по адресу...», то есть через несколько дней.

Если бы я знала, что именно это смс действительно перевернет мою жизнь, я бы, возможно, еще и подумала, идти или нет на собеседование, но злость на мужика в кафе, на хозяина, который молча, с заискивающим видом, наблюдал, как унижают его сотрудника, клокотала в моей душе и требовала выхода.

И, в конце-то концов, что означает: «Nija de puta!»

Глава 3

К собеседованию я готовилась тщательно. Глеб не солгал, он достал все вопросы, которые задают в таких случаях кандидатам, и предупредил о всевозможных психологических штучках, используемых интервьюерами.

– Обрати внимание, вас принимать на собеседовании будут три человека. Теоретически они должны сидеть напротив кандидатов, но...

– А что можно еще как-то по-другому? На колени ко мне сядут?

– Тебе все шуточки. Не перебивай! Один может сесть напротив, а остальные по бокам.

– О боже! Зачем?

– Проверяют психологическую устойчивость. Неуверенный в себе человек будет крутиться, стараясь ответить всем сразу. Сиди, не шевелься! Отвечай только тому, кто задает вопросы. Не пытайся поймать взгляд каждого. Один вообще может встать сзади.

– К нему тоже поворачиваться нельзя? – ерничала я, развлекаясь. Меня вообще прикалывала и эта ситуация, и то, как реагирует Глебушка на мои вопросы.

– Ты почему не можешь информацию воспринимать без хи-хи и ха-ха?

– Я вполне серьезна, – делала каменное лицо я, хотя саму

так и распирало от смеха.

– Отвечай тому, кто будет сзади, не поворачивая голову, спокойно и уверенно.

– Да, поняла я, поняла!

– Этот метод психологического давления называется «способом неравных сил».

– Естественно, наши силы неравны. Жюри на до найти идеального работника для господина из толпы жаждущих получить теплое местечко. Их задача – отсеять как можно больше кандидатов одним ударом, а наша – удержаться. Зачем еще больше усугублять ситуацию? Это всего лишь должность секретаря, – возмущалась я.

– Да, но большого босса с миллионным состоянием. У него один костюм стоит не меньше трехсот тысяч, а часы – от двух до десяти миллионов.

– Ты шутишь? Да на эти деньги можно несколько лет жить безбедно!

В моей голове защелкал калькулятор. Перспектива выйти замуж за богача уже не казалась мне такой уж и аморальной. Если он поделится со скромной девушкой своими миллионами, кому от этого станет плохо? Красота должна быть укутана в меха и сиять в бриллиантах. О том, что есть еще и душевная красота, я как-то в тот момент не помнила. Меня настигла частичная амнезия, черт бы ее побрал!

«Может быть, Глеб прав? – думала я. – Я получила от рождения лицо и тело, на которое оглядываются мужчины. По-

чему бы этим добром не воспользоваться?»

– Так, а теперь подробнее расскажи мне, зачем на этой работе нужны крепкие нервы и невозмутимость?

– Секретарь – это барьер между посетителями и хозяином. Именно он отсекает и всех лишних и ненужных людей. А попадаются, знаешь, какие неадекватны! Только держись!

– Ясно. И что они мне могут сделать?

– Да что угодно: заболтать, обозвать, полапать. Вот тут и нужно дать достойный отпор, не переходя за рамки.

Стимул – великое дело. Я еще с большим рвением взялась за подготовку, и, одеваясь в день собеседования, заметно нервничала.

– Строгий костюм, но не черный, белая блузка, идеально выглаженная, чулки телесного цвета, туфли на невысоком каблуке, – перечислял мне Глеб предметы экипировки.

– Ты с ума сошел? Они нанимают «синий чулок»? Как я покажу себя боссу во всей красе, если спрячу свои ноги под длинной юбкой?

– Да, ты права. Юбку возьмем карандаш. Она выгодно подчеркивает твои роскошные бедра и в то же время соответствует деловому стилю.

– А волосы? Как лучше уложить?

– Гладко зачесать и убрать в хвост.

– Вот спасибо! Хоть гульку на голове не придется сооружать!

– Да, блузку надень белую.

– С декольте? И верхнюю пуговичку расстегнуть так, чтобы краешек кружева бюстгальтера торчал? – оживилась я.

– С ума сошла! Ты устраиваешься на работу в ночной клуб или бар? Блузка нужна строгая, но сексуальная.

– Вот такая? – в комнату зашла мама и принесла свою любимую кофточку, которую когда-то, при жизни папы, купила в Париже на Елисейских полях и очень этим гордилась. Она была из кипенно-белого шелка с маленькими перламутровыми пуговичками и красивой отделкой рюшем по краю полочки.

– Я не надену такую старушечью блузку!

– Не капризничай! Ты, дорогая, не спрыгнешь с подводной лодки? Все, выбора у тебя уже нет.

Я не очень-то и сопротивлялась. Глупо. Ну, не корову проигрываю. Не получится, значит, буду искать другой вариант. Можно, например, маму выдать замуж.

– Ты чего на меня смотришь? Я не пойду устраиваться на работу! Я столько в жизни страдала, – мама картинно потерла пальцами виски и всхлипнула. – Неужели я не заслужила покоя?

Я вздохнула: все эти мамины приемчики мне были хорошо знакомы с детства. Когда намечались домашние дела, мама повязывала голову полотенцем, ложилась на диван и стонала, всем своим видом демонстрируя сильнейшую головную боль. Мы с папой прекрасно понимали, что это блеф чистой воды, но поддавались на представление, так как лю-

били ее.

Наконец я была готова. Мой вид соответствовал всем стандартам... «синих чулок»: строгая прическа, деловой костюм, минимум украшений и косметики. Когда я подошла к зеркалу, то сразу себя и не узнала, и тут Глеб, как волшебник, вытащил из кармана очки в роговой оправе.

– А это еще зачем? – отшатнулась я.

– Завершающий штрих.

– А, поняла, в них спрятан микрофон и видеокамера. Ты будешь из туалета наблюдать за происходящим и давать мне советы.

– С ума сошла, что ли? Шпионских фильмов явно насмотрелась, – Глеб покрутил пальцем у виска.

– Тогда не надену.

– Не капризничай. Ты пойми, подавать себя надо поэтапно: на собеседовании должна покорить всех своим умом и знаниями, а сексуальность и красоту раскроешь позже, когда получишь работу.

– А нельзя сразу ее получить как умная и красивая женщина.

– Нет! – хором ответили мои мучители: Глеб и мама.

Я опять вздохнула. Ладно, проехали, показала я изумительную покладистость, будем мериться умом. Надеюсь, его у меня хватит. Не за красивые глаза я получила красный диплом филологического факультета МГУ.

В коридоре, где сидели кандидаты на собеседование, не

было свободных стульев. Вот это номер, – присвистнула я и посмотрела на Глеба.

– Не паникуй раньше времени, – шепнул он мне. Дай я на тебя внимательно посмотрю.

Он обошел меня, то поправляя рукава на блузке, то выравнивая шов на юбке.

– Ты что делаешь?

– Это тоже важно. Твою стрессоустойчивость могут проверить банальным способом. Например, увидят неотглаженную складку и спросят внезапно: «В нашей стране утюги не продаются?»

– Вот козлы, – прошептала я. – Естественно, человек расстроится и забудет вообще все заготовленные ответы на вопросы.

– Не ругайся! – Глеб оглянулся: нас на уже начали посматривать другие кандидаты. – Вам сейчас присвоят номера и будут приглашать группами. Тебе надо выделиться из своей группы и обратить на себя внимание.

– Как?

– Я пока не знаю. Сиди тут, я в секретариат сбегаю на седьмой этаж, – он уже был у лифта, но вернулся с озабоченным лицом. – Знаешь, ты уж постарайся.

– Естественно. Иначе, зачем я сюда пришла.

– Просто... – Глеб замялся, будто не знал, как вывалить на мою грешную голову неприятную информацию. – В общем, есть у нас тут заместитель босса, молодой да наглый,

считает себя пупом земли. Он любит прийти иногда на собеседование и размазать кандидатов по стенке. Поля, с ним надо держать ухо востро.

– В смысле?

– Он вопросы непрофессиональные станет задавать? Тот еще гаденыш!

– А-а-а! Спасибо. Предупрежден, значит вооружен.

– Так-то оно так, но мне что-то тревожно...

– Ты же говорил, что в вашей фирме редко бывают вакансии, а сам сейчас такое рассказываешь.

– Ну, да, редко. Но раз в полгода все равно состав немного обновляется. В основном уходят менеджеры, те, кто не выдержал испытательный срок. На их место берут новичков. А на остальные должности и вправду редко приглашают. Я вон как пришел сюда после армии, так и работаю. И весь состав гаража за это время почти не менялся.

– Ладно, проехали. А зачем этому заместителю разрешают так себя вести?

– Ну, развлечение у него такое. Как бы первый этап. Кто выдержит испытание, попадает во второй тур, а из него уже выберут того, кто станет сотрудником. На втором этапе на кандидатов придет посмотреть сам шеф, все же для него ищут работника.

– Ты почему мне об этом раньше не сказал, козлина? – взъерилась я.

– Тише, не паникуй! Я постараюсь его где-нибудь задер-

жать. Ну, лифт сломаю, что ли. Я тебя так, на всякий случай предупредил. Вдруг форс-мажор.

Глеб виновато опустил глаза и скрылся в кабинке, иначе я бы его растерзала. «Нет, ну, какой все же гад? – кипела я и зло косилась на кандидатов. – Мало того, что хочет на чужой козе в рай въехать, так еще и информацией забыл поделиться!» «А может, он это сделал специально? – появилась вдруг новая приятная мыслишка. – Чтобы я провалилась. Все-таки любит еще, не совсем совесть потерял».

Глеб ничем не помог. Он не успел вернуться, как мою группу вызвали. Ситуация, конечно, нестандартная, ничего не скажешь! Как я ни была уверена в себе, все равно волновалась. Нервничать заставили две девицы, которые активно обсуждали возможные вопросы. Я слушала их и понимала, что не знаю ответов. «Точно, провалюсь! А, плевать! «Шоколадниц» в Москве много. Выучусь на бариста, и не придется прислуживать клиентам в зале».

– Проходите, садитесь, – пригласили нас, и мы гуськом потащились в большую и почти пустую комнату, в которой в центре находился стол, а напротив него – пять стульев для кандидатов.

Не успели мы разместиться, как поступила вторая команда:

– Друзья, – бодреньким голосочков обратилась к нам улыбчивая девушка, – первый тур будет проходить в конференц-зале. Прошу за мной.

Мне не нравилось то, что, кажется, намечалось. Задержать заместителя босса похоже у Глеба не получилось. Да и сам он куда-то пропал. «Может, уйти? – мелькнула мысль. – Что я здесь забыла? Зачем согласилась на эту авантюру?» Но я сразу представила страдальческое лицо мамули, которая будет пилить меня каждый день, и сдалась. Будь что будет!

В конференц-зале собрали все группы. В целом нас, желающих попасть на тепленькое и высокооплачиваемое место работы, оказалось много. Я окинула взглядом присутствовавших – человек пятьдесят, а то и больше. Ладно, посмотрим. Из чувства осторожности я забралась в середину: вряд ли этот заместитель станет бегать по залу и задавать вопросы всем подряд. А так можно и затеряться.

Он не вбежал, а влетел в конференц-зал, пронесся вдоль рядов, ни на кого не глядя, и застыл возле кафедры. Он сразу вызвал у меня отвращение. Красивый, уверенный в себе, обаятельный самец, понимающий, что под его ногами лежит весь мир, а мы, букашки, которых надо раздавить, чтобы не раздражали, насмешливо оглядывал нас.

– У вас есть мечты? – поинтересовался он сходу.

– Да, – нестройно ответили мы, не понимая еще, куда этот гад клонит.

– Высокие?

– Разные, – крикнул кто-то.

– А вы знаете, что чем выше мечта, тем больнее падать?

Вы готовы упасть?

«Что за придурок? К чему эти вопросы, если мы соискатели на должность секретаря? Какие мечты? Что скажут, то и будем делать», – думала я.

Этот мерзавец метнулся к первому ряду.

– Сколько листов бумаги в пачке «Снегурочка»?

– Двести пятьдесят? – ответила девушка в строгом черном костюме. – Нет, триста.

«Идиотка! Как может кандидат на место секретаря не знать ответ на такой простой вопрос!»

– Свободны.

Девушка растерянно смотрела на него, не понимая, что означает это слово.

– На выход!

– Куда?

– Туда, – махнул рукой заместитель босса и повернулся к соседке выброшенной кандидатки. – Сколько раз нужно повернуть карандаш, чтобы добиться идеальной заточенности?

«А вот это уже удар под дых! Разве кто-то считает повороты?» – я начала нервничать. Создавалась впечатление, что этому засранцу не важны ответы. Он придумывал вопросы на ходу и тащился, видя, как теряются люди.

– Пять? Десять?

– На выход, – и он повернулся в следующей кандидатке.

– Я вас слушаю, – вежливо посмотрела на него красивая блондинка с насмешливо прищуренными глазами.

– А если вам понадобится организовать прием гостей,

сколько вы приготовите пакетов с материалами?

– Один.

– Почему?

– Не знаю. Просто в голове появился такой ответ.

– На выход.

– Узнаю у босса, сколько будет гостей, и приготовлю по их количеству, – выкрикнул кто-то из зала.

– Отлично, – он резко повернулся в сторону голоса и взлетел по ступенькам. – Тогда какую воду поставите в конференц-зал? С газом или без газа?

– Без газа, – отвечала женщина средних лет. Она говорила спокойно, смотрела прямо в глаза заместителя босса, и я вдруг почувствовала в ней соперницу.

– Почему?

– У людей разное состояние здоровья. Не все пьют воду с газом.

– Тогда, может, лучше приготовить оба варианта?

– Да, вы правы, это будет лучше, – согласилась женщина.

Едкое: «На выход», – не прозвучало, и я немного занервничала. В зале оставалось все меньше людей, а еще пока не было задано ни одного профессионального вопроса.

– Зачем вы здесь? – этот выпад уже адресовался мне.

Как он подобрался так быстро, я не заметила и растерялась.

– Ну, я не знаю...

«Вот дебилка! Глупее ответа не могла дать! – застонала

я. – Соберись!»

– Вы пришли в компанию устраиваться на работу и не знаете, что будете делать? – он смотрел на меня и только что не потирал руки от удовольствия, получив в свои сети очередную дуреху.

– Знаю. Просто вы неожиданно спросили, – еще более глупый ответ. Так, кажется, пора расставаться с этим местом. Я еле сдержалась, чтобы не выбежать из зала.

– И что?

– Ну... Я красивая!

Эти слова вырвались изо рта сами собой. Я разозлилась, резко встала, сняла с носа очки и сунула их соседке. Потом одним движением стянула резинку с волос и встряхнула ими. Я знала, какой эффект произвожу на мужчин. Густая, черная, как уголь, идеально гладкая и блестящая волна накрыла мои плечи и мягко спустилась до талии. Я подняла глаза, в упор посмотрела на мерзавца и увидела то, чего добивалась: замешательство. Пусть на секунду, всего лишь на крохотное мгновение, но он растерялся. В его зрачках вспыхнул алчный свет и тут же погас. Но я-то его успела заметить.

– И что? Что компания получит от вашей красоты? – прозвенело в зале, будто его баритон сменился на фальцет.

– Простите, но слоган вашей компании «Мечтай везде – мечтай с нами», – так?

– Да.

– Разве я не воплощение мечты каждого мужчины?

Он смешался, а я удовлетворенно улыбнулась: пусть меня выгонят с треском, но я уйду с гордо поднятой головой.

– Вы планируете соблазнять наших партнеров? – нашелся он и закашлялся.

– Нет. Я планирую заставить их любоваться мною. Человек, впечатленный красотой, смягчается. Как знать, может, фирма подпишет много нужных договоров благодаря мне.

Своим наглым поведением я произвела неожиданный эффект: меня оставили в покое. Заместитель босса по-прежнему мучил вопросами кандидаток, нет-нет, да и поглядывая в мою сторону, но меня больше не трогал. Я неторопливо собрала волосы на резинку, надела очки и молча ждала вердикта: прошла или нет в следующий этап. Этот бессовестный кастинг совершенно перестал меня интересовать. Тогда я еще не знала, что за отбором наблюдал по мониторам сам босс. Мой неожиданный выпад в сторону его заместителя впечатлил его не на шутку.

Так я оказалась на работе в этой фирме на должности секретаря-референта, и моя жизнь закрутилась и завертелась в том направлении, которое мне задал Глеб.

Глава 4

Мое знакомство с шефом состоялось на следующий день. Вот так, просто, безо всяких вторых туров и заместителей-мозговывосителей. Мама и Глеб с ума сходили от счастья. Они не знали, как меня накормить и куда посадить. Зарыв топор войны, мои самые близкие люди действовали на удивление слаженно.

– Как ты их! Ах, Польша! – восхищенно причмокивал Глеб. – Никогда не думал, что можно просто одним движением снять резинку с волос и заявить: «Я красивая». Сразу с этого мажора спесь сбила.

– Это же моя доченька ненаглядная, – обнимала и целовала меня мама. – Вся в меня пошла.

Я только косилась, но в споры не вступала. Меня и саму переполняла гордость, что я сумела выкрутиться из сложной ситуации и даже выиграть. А на коне, оказывается, намного приятнее находиться, чем под конем, неожиданно вспомнила я известное высказывание.

Чтобы не рисковать попусту, на встречу я надела опять юбку-карандаш и белую французскую блузку. Волосы свернула в строгий пучок, который свободно лежал на шее. Так посоветовал сделать Глеб.

– Зачем? – не поняла я его задумку.

– Работаем по плану оболыщения с первого дня. У тебя

волосы тяжелые. Если их заколоть на пару шпилек, качнешь случайно головой, они и рассыплются. А мужчины, поверь, сходят с ума от красивых женских волос.

Я пожала плечами, но спорить не стала. Зачем? Своя нервная система дороже. Я уже твердо решила для себя, что буду просто работать и наслаждаться хорошей зарплатой. Босс пусть живет своей жизнью, а если Глебу такой поворот событий не понравится, ну, что ж, пусть сам соблазняет.

Меня пригласили в огромную приемную и посадили на белый кожаный диван, такой мягкий и нежный, что на него хотелось только любоваться. Насладиться роскошью мне не удалось: через пять минут позвали в кабинет.

Я вошла и огляделась. Помещение было отделано в разных оттенках коричневого цвета: от молочного шоколада до терракотового. Смотрелось это великолепно и богато. В глубине, у окна, стоял длинный рабочий стол босса, на котором стопками лежали папки и бумаги. «А он аккуратист и педант, – взяла на заметку я. – Значит, ценит такие качества и в работниках»

Центр комнаты занимали бугристые, маслянисто-блестевшие кожаные диваны, по которым так и тянуло провести ладонью. Они по периметру окружали низкий прямоугольник журнального стола. В углу была дверь в другую комнату.

– Вы Полина? – поинтересовался хозяин кабинета и я тревожно огляделась, так как не понимала, откуда доносится голос.

Ответ появился сам из-за плотной шторы с голубенькой леечкой в руках. Я растерянно смотрела то на высокого, полноватого мужчину с седым ежиком на голове, то на предмет в его ладони.

Ответ появился сам из-за плотной шторы с голубенькой леечкой в руках. Я растерянно смотрела то на высокого, полноватого мужчину с седым ежиком на голове, то на предмет в его ладони. Вот это номер! Мой босс цветочками занимается? Я сразу же представила картину в семейном интерьере: я сижу такая красивая в окружении разноцветных фиалок, а он стоит рядышком, положив мне руку на плечо, и мы смотрим прямо в объектив фотоаппарата. Б-р-р-р! Соблазнить мужчину-цветовода я не подписывалась.

И вообще я никого не собираюсь соблазнять своими прелестями, разве что вчерашнего козлика, завалившего кандидаток вопросами не по существу. Да и то только для того, чтобы потом гордо уйти, встряхнув волосами. Пусть пострадает!

Эти мысли молнией пронеслись у меня в голове, но язык, кажется, с мозгами не дружил. С его прелестного кончика сорвался глупейший вопрос:

– Это что?

– Лейка, – босс улыбнулся, поднял руку и показал мне предмет.

– У вас цветы поливать некому?

– Некому, увы, – засмеялся он и поставил лейку на стол. –

Вот, вы прошли конкурс, теперь, надеюсь, будете поливать.

– Разве не уборщицы этим занимаются? – опять брякнула я, не подумав. «Ну, что за поганый язык! Босс решит, что я круглая идиотка!»

– Эту ответственную работу я могу поручить только своему помощнику.

– Ясно. А цветы у вас какие? – оглянулась я, так как ничего похожего на горшки поблизости и не увидела.

– Орхидеи. За ними тщательный уход требуется.

Босс покрутил колесико на веревочке и раскрыл жалюзи. «Вот они где, миленькие!» – разочаровалась я и обрадовалась одновременно, так как не ляпнула это вслух.

На широком подоконнике стояли темно-коричневые невзрачные горшки, из которых тянулись вверх тоненькие длинные листья без цветов.

– Это разве орхидеи?

– Да. Подойди ближе.

Я осторожно пошла по кабинету и встала немного поодаль от шефа. Я совсем не испытывала к нему никакого страха. Просто пожилой человек, ростом и манерой держаться даже напомнивший мне отца.

– Смотри, это цимбидиум. Его упругие листья надо иногда протирать от пыли, а поливать можно один раз в пять дней. И еще... Видишь, в углу подоконника стоит увлажнитель воздуха? Его нужно включать перед уходом, а утром выключать.

– А-а-а. – «Язык свернешь, пока выговоришь название. А попробуй, скажи неправильно! Придется тренироваться, чтобы вылетало это слово изо рта естественно, как бабочка». А бутоны где?

– Этот сорт называется «Трейси». Он цветет с сентября по январь, а сейчас у нас на дворе что?

– Сентябрь, – глупо ответила я, получив порцию советов по цветоводству, которые мне были совсем не нужны, но помогли справиться с волнением, освоиться и даже наметить зону ближайшего действия.

– Вот именно. Скоро они предстанут во всей красе. Садись, – босс вышел на середину кабинета и показал мне на диван. Сам пристроился немного напряженно напротив, нацепил на нос очки и деловито меня оглядел. Потом взял в руки планшет. – Тебе мой заместитель уже рассказал о производственных требованиях.

– Заместитель? Это тот субчик, который издевался вчера над кандидатами?

– Да. Мне понравилось, как ты его поставила на место, но настоятельно прошу: партнеров не отпугивать.

– Нет. Что вы. Я понимаю.

– Это твой рабочий инструмент, – он протянул мне айпад.

Я с трудом встала (проклятуший диван!) Зачем я на него села? В него проваливаешься чуть ли не до пола!) и забрала планшет, случайно коснувшись пальцев босса. Он вздрогнул и резко отдернул руку. «Что такое? Я ему неприятна? Или,

наоборот, волну так, что он дергается, как от удара тока?» – невольно появились в голове вопросы. Я с трудом удержала мимику. Брови так и норовили подняться вверх. Вопросы, конечно, интересные. Надо подумать об этом на досуге.

– Ко мне можно обращаться по имени отчеству, Андрей Степанович.

– А я Полина Олеговна.

– Вот и прекрасно.

Мы еще немного поговорили об обязанностях секретаря. Я все время с замиранием сердца ждала, когда он наконец спросит про мой испанский, но босс просто мило общался, рассказывал мне о распорядке дня, о том, что на завтра намечено совещание директоров холдинга и сколько я должна приготовить комплектов материалов. Я ничего не понимала в секретарском деле, но наглость – второе счастье, а язык до Киева доведет, поэтому я не унывала.

А еще очень рассчитывала на свою внешность. Я вдруг поняла, что могу ею пользоваться по своему усмотрению. Привязанность к Глебу делала меня послушной и ласковой девочкой, но его предательство открыло во мне какие-то неведомые ранее черты характера. Я сама удивлялась, что могу вести себя так раскованно и уверенно.

Андрей Степанович встал, прощаясь. Сделал он это как-то неловко. Сначала оперся рукой на подлокотник, потом перенес вес тела и только после этого поднялся.

Следом попыталась вскочить и я, но не тут-то было: моя

красота, видимо, так очаровала молочно-шоколадный диван, что он решил со мной не расставаться. Я хотела встать одним изящным движением гибкой кошечки, но шлепнулась обратно. Босс подхватил меня за руку, голова дернулась, и проклятые шпильки таки вылетели из волос. Они сразу же шелковым ковром закрыли мое лицо и плечи.

Я наконец выпрямилась и тряхнула головой, чтобы призвать бессовестных нарушителей порядка к ответу.

– Не надо. Я сам, – тихо произнес Андрей Степанович. – Красиво. Как в рекламе.

Он нежно, едва касаясь, раздвинул мои волосы и заглянул прямо в глаза. Его черные агаты смотрели пристально, напряженный рот не улыбался. Мороз пробежал у меня по коже. «Он знает! Он точно знает, что запланировал Глеб», – с ужасом подумала я и сделала шаг назад.

– Простите. Это вышло случайно, – залепетала я, собрала волосы в кулак и стала искать на полу упавшие шпильки.

Так совершенно неожиданно план Глеба по соблазнению шефа начал работать.

На второй день я пришла с коробкой и стала обустроить рабочее место. Мой стол занимал угол у окна в той огромной приемной, в которой я ждала босса вчера. Был свой подоконник, на него я и пристроила розовый (долгой мрачные тона!) горшочек с орхидеей. Трейти-спейси, не важно, как она называется, раз нравится хозяину, будем ему подыгрывать. Правда, стоила эта Трейси, как ядерная ракета, но я за-

ставила маму ее купить.

– Если ты один раз не сходишь в кафе на встречу с подружками, ничего не случится, – решительно сказала я и отобрала у мамы остатки денег, которые она выудила из моего же кошелька.

– Но, как же... это мое единственное развлечение... – прижала пальцы к вискам мамочка.

– Да, единственное? А еще показы мод, глянцевого журналы, променады по паркам и аллеям, корейские сериалы. Выбери на несколько дней самое дешевое занятие и развлекайся. А мне деньги нужны для дела. Считай, что это вложение в наш будущий доход.

– Ах, Олег! Почему у нас родилась такая жестокая дочь! Дорогой, мне без тебя так трудно! – мама встряхнула головой и пошла по привычке причитать в свою комнату.

Я давно уже не обращала внимания на ее манерные страдания. Родителей не выбирают, а любят такими, какие они есть, – этот лозунг внушал мне папа, который обожал свою капризную Нинулю, с ним я и жила всю свою недолгую жизнь.

Так, ценная орхидея оказалась на моем рабочем подоконнике. Я ее изучала, на ней же проводила эксперименты. Это для того, чтобы научиться правильно ухаживать за капризными цветами. А когда орхидея зацвела, я вообще почувствовала в прелестнице родственную душу. Экзотический цветок своей красотой походил на меня: большие лепестки

с волнистыми краями кремового цвета были будто покрыты каплями крови. В самом центре возвышался молочный язычок, тоже испещренный маленькими пурпурными пятнами. Своей пушистой грудью и треугольной головой он напоминал мне кобру, приготовившуюся к прыжку.

Так и я в любую минуту была готова броситься на свою жертву, вцепиться в нее клыками и поразить ядом любви и красоты. Что меня сдерживало? Наверное, мысли о бабуле, которая в детстве каждый день внушала мне доброе, священное и вечное, а еще я вспоминала папу, так преданно и нежно любившего маму, что и я хотела для себя такого же ласкового и надежного мужа. Раньше я даже не сомневалась, что это будет Глеб. Но...

Я потихоньку привыкала к новой работе. Босс меня не напрягал. Давал поручения, приглашал на деловые обеды и ужины, иногда брал с собой за границу. Глеб, который, видимо, рассчитывал на быструю победу, исходил на дерьмо. Каждый день он караулил меня у выхода из здания, где находились офисы фирмы, и допрашивал.

– Ну, что? Сегодня он пригласил тебя куда-нибудь?

– Глеб, отстань! – отвечала я и ловила такси, чтобы избавиться от бывшего возлюбленного.

Я перестала поддаваться на его уловки и старалась свести к минимуму общение. В компании мы не разговаривали, делали вид, что не знакомы, по телефону я ему тоже не отвечала. Вот эти встречи у входа были практически единственным

нашим контактом, но и они прекратились, когда секретарь адвоката фирмы, с которой мы шли на деловую вечеринку, поинтересовалась, не нравлюсь ли я случайно водителю босса.

– Ты, Поля, смотри, будь осторожнее. Наш Андрей Степанович очень требовательный человек. А еще он собственник. Если кто-то пожалуется ему, что его помощник крутит шашни с его же шофером, он сразу расстанется с обоими.

– Ты что! – искусственно возмутилась я. – Этого человека я видела только за рулем. Он меня совершенно не интересуется.

Глебу я запретила появляться возле себя.

– Ты хочешь разрушить собственный план? – я зашипела на него почище кобры, когда однажды пришла домой, а он там с мамулей чаек на кухне распивает.

– И правда, Глебушка, будь осторожнее, – встала на мою сторону мама. – Полюшка – умная девочка. Без твоих подсказок справится.

– Не доверяю я вашей умной девочке, – выдавил из себя Глеб, но, к моему удивлению, временно отстал.

Наверное, так и продолжалось бы мое неторопливое привыкание к фирме и работе, если бы не случай, который чуть не стоил мне с таким трудом добытого места и в то же время вывел наши отношения с боссом на новый, качественный уровень.

В компании назревал большой контракт. Все поэтому су-

етились без меры. Я тоже крутилась, готовя документы, назначая встречи, принимая посетителей. В честь подписания грандиозного пакета босс решил устроить корпоративный вечер в выставочном зале, куда пригласить всех партнеров и важных сотрудников. Совместить, так сказать, приятное с полезным.

Дизайнерский отдел должен был приготовить красивые пригласительные билеты, а мне, как бывшему филологу, поручили найти литературную начинку этому пирогу. Все ответственно подошли к своей работе. Надо, значит, надо. Я очень люблю Игоря Северянина, поэта серебряного века, особенно его стихотворение «Это было у моря».

Его я и предложила для оформления.

В день подписания пакета документов я была очень занята. Илья, руководитель отдела дизайнеров, звонил мне несколько раз, но я не брала трубку: пусть сам справляется. Наконец все было готово. Илья принёс пачку пригласительных, куда заранее были вписаны фамилии и регалии партнеров, и, хихикая, положил их на стол.

– Полина Олеговна, вы уверены, что ваше стихотворение подойдёт для пригласительных билетов? – осторожно спросил он.

– Это стихотворение не мое, а Игоря Северянина. Что он написал, то написал. А что с ним не так? – не поднимая головы, спросила я, наблюдая, как помощницы расставляют бокалы на сервировочном столике, готовят бутылки с шампан-

ским. Заседание вот-вот закончится, и босс вызовет меня в зал, разбираться было некогда.

– Ну, если вы считаете, что все нормально, тогда ладно.

Илья ушёл, я недоуменно посмотрела ему вслед и на всякий случай открыла приглашение. В этот момент позвонил телефон, и меня пригласили в конференц-зал. Я кинула пачку билетов на серебряный подносик и побежала на совещание.

Довольный босс и партнеры обменивались последними репликами, делали фотографии, давали интервью журналистам. Я, деловая и невероятно красивая помощница, так я приставляла себя в их глазах, стуча каблуками и ослепительно улыбаясь присутствующим, раздавала приглашительные билеты на корпоративную встречу. Когда на подносе ничего не осталось, я вышла из зала и вернулась с сервировочным столиком на колёсах, на котором было приготовлено шампанское, чтобы чисто символически поднять бокалы и отметить глотком пенного напитка важное событие.

Меня встретил взрыв просто неконтролируемого хохота. Я остановилась, не понимая, что сделала не так.

– Полина Олеговна, как мы должны это понимать? – суровый босс держал в руке приглашение.

– Простите?

Я ещё больше растерялась и обвела взглядом директоров и партнеров. Некоторые возмущённо трясли приглашениями, но большинство хохотало.

– Вы сами выбрали стихотворение?

– Да, – пожала я плечами.

– Вы хотели посмеяться над уважаемыми людьми?

– Нет.

Я протянула руку и взяла приглашение. Люди перестали смеяться и застыли в ожидании моей реакции. Тишина стояла такая, что слышен был треск невыключенных микрофонов и щелканье камер журналистов. Я осторожно, будто опасаясь, что сейчас оттуда выскочит лягушка, развернула картонку и пробежала по ней глазами. Недоуменно подняла брови: все прилично.

На левой стороне приглашения, предназначавшейся для стихотворения, красивым вензелем был выведен заголовок:

Игорь Северянин

Минет

Это было у моря

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.
Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.
А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

– Ничего не понимаю! Прекрасное стихотворение! Шедевр мировой лирики! Что не так?

Кто-то не выдержал и прыснул в ладонь. За ним другой, и по залу опять с переливами и всхлипываниями понесся смех.

– Она не понимает! Держите меня! – хохотал один.

– Сама невинность! Ик! – икал другой.

– Девушка, вы с какой звезды прибыли на нашу грешную

землю, – причитал третий.

– Вот, оказывается, чем занималась королева с пажом! – лежал на столе маленький и невзрачный адвокат фирмы.

– Я правильно понял это слово? – Андрей Степанович ткнул кончиком ручки в слово «минет», и тут только до меня дошло. Я пригляделась к приглашению и помертвела...

Кто и на каком этапе подготовки неправильно набрал слова, я не знала, но написанное вызвало шок.

– Это не я! Простите меня! Это не я, – залепетала я оправдания.

– Да-да! Повеселить нас хотели.

– Это вам удалось.

– Вы все неправильно поняли! У Игоря Северянина написана поэма-миньонет. Это название стихотворного размера, который он сам придумал.

Я видела веселые взгляды, направленные на меня, и готова была расплакаться. Босс, наверное, желая сгладить неловкость, выдвинул вперед сервировочный столик. Я сделала шаг в сторону, уступая ему дорогу, и тут случилось непредвиденное: высокий каблук подвернулся, я качнулась, потеряла равновесие и свалилась бы прямо на стол, если бы меня не подхватил Андрей Степанович. Раскрытая бутылка шампанского опрокинулась на пол и разбилась.

– К счастью! – весело крикнул кто-то. – Большому контракту – большое плаванье!

Ситуация разрешилась, только я чувствовала себя совер-

шенно неловко. Когда заседание закончилось и гости разъехались по своим фирмам, босс пригласил меня к себе. Я, честно признаюсь, шла на ватных ногах, так как уже привыкла к новой работе, к хорошей зарплате и отношению начальника.

– Полина Олеговна, – начал босс, как только я закрыла дверь.

– Я вас слушаю, – пролепетала я, обмирая от страха.

– Вы не могли бы со мной поужинать?

– Хорошо, Андрей Степанович, – я расправила плечи и скромно опустила в пол глаза, а в душе все пело и плясало.

С этого дня мы незаметно, потихоньку, по крохотному шажочку сближались. Через месяц мы стали парой, а весной следующего года Андрей Степанович Крус, преодолев все тяготы бракоразводного процесса, сделал мне официальное предложение.

Я сначала хотела отказаться. Увы, ничего, кроме уважения, я к этому человеку не испытывала. Однако только я открыла рот, как перед глазами появились вытянутые лица мамы и Глеба, которые за это время стали вдруг лучшими друзьями. Я представила, как они на меня набросятся, как будут пилить за то, что своими ногами топчу предоставленный судьбой шанс изменить жизнь, и... согласилась.

Глава 5

Стук в дверь вырвал меня из воспоминаний. Я встала, но чуть не упала, наступив каблуком на подол свадебного платья. Чертыхнулась про себя: не хватало еще растянуться на ковре и пойти к алтарю со сломанными конечностями. Сразу представила картинку: невеста на костылях с ногой в гипсе, и засмеялась. А что мне еще осталось делать? Только ржать над собой. Сама добровольно влезла в эту заварушку, самой и расхлебывать придется.

В дверь никто не заглядывал. «Интересно, кто пришел выполнить роль папочки? Под руку с кем я должна предстать перед суженым?» Я накинула на лицо край фаты и крикнула.

– Да, входите.

Дверь медленно стала отворяться. По большому счету мне было фиолетово, с кем шагать по ковровой дорожке, расстеленной в саду. Свадьбу мы делали дома. Этим вопросом занималось самое лучшее городское агентство брачных дел, и я туда не лезла. Какая разница, где выходить замуж, если будущего мужа не любишь. Хотя чего душой кривить, отворачивания я к нему тоже не испытывала. Достойный и уважаемый человек, а на меня и того насмотреться не может. Иногда мне кажется, что он готов поставить меня на стул, как маленького ребенка, и любоваться.

Я вздохнула: непрошенное чувство стыда шевельнулось в

душе. Может, ну их! Снять этот тяжелый наряд, бросить на кровать и смыться. Я даже огляделась, прикидывая, в чем можно удрать, но, увы, предусмотрительная мамуля спрятала в пакет мою одежду, а его, кажется, прихватила с собой.

– Полина Олеговна, к вам можно? – услышала я дребезжащий голос.

В щель протиснулся щуплый с лысиной на полголовы человек – Мальцев Эдуард Григорьевич, адвокат фирмы и правая рука босса. Я молча смотрела на него.

– Вы позволите? – человек протянул мне руку в перчатке.

Что-то в его поведении мне не понравилось. Я пригляделась: Эдуард Григорьевич хитро шурился и, казалось, что он знает какую-то тайну и наслаждается ею.

Я пожалала плечами. Хватит выдумывать заговоры! Сейчас я секретарь-референт и первая помощница шефа. Я знаю все его планы и действия.

С помощью Андрея Степановича я даже выяснила, что тот подлый случай с подменой слова в пригласительном – дело рук его заместителя, который хотел мне отомстить за то, что я его поставила на место на собеседовании с кандидатами. Эта шутка мне помогла сблизиться с шефом, а вот заместитель был понижен в должности до менеджера. Так что я чувствовала себя защищенной силой и властью босса.

Я тряхнула головой, задрала подбородок и оперлась на ладонь адвоката. Пара из нас получилась великолепная: у ме-

ня рост сто семьдесят сантиметров плюс каблук еще двенадцать, в результате адвокат не достигал мне даже до виска. Ну, что ж, пусть народ насладится моей красотой на фоне этого недоразумения.

Мы закрыли дверь спальни хозяина особняка, и медленно пошли по коридору к лестнице. Эдуард Григорьевич смешно подпрыгивал, когда длинный шлейф оказывался у него под ногами. Я же едва сдерживала истерический смех, который просто душил меня. Мне предстояло во всей красе показаться перед толпой недоброжелателей. Каждый из них утонул в грехах по горло, но в то же время готов был бросить в меня камень. И первый – Эдуард Григорьевич, долго уговаривавший шефа не подавать документы на развод.

– Ты пойми, – убеждал он Андрея Степановича, невозмутимо сидевшего за столом в кабинете. – Старый конь борозды не портит. Ты с Луизой двадцать пять лет жил в ладу. Да, детей у вас не было. Ну, и что! Сколько пар прекрасно доживает свой век без них! Ты уверен, что в твоём возрасте сможешь зачать наследника?

– Не твоё дело! – ответил босс. – Я сам разберусь. Занимайся документами! Это приказ!

Эдуард Григорьевич пулей вылетел из кабинета, а я едва успела отскочить от дверей, у которых бессовестно подслушивала.

– Ты что здесь делаешь? – рявкнул он на меня.

– Трейси поливаю, – сунула я ему под нос мимишную, ро-

зовенькую леечку.

– А, пошли вы!

Он махнул рукой и убежал, но на второй день принес документы и, обиженный, больше не разговаривал с боссом. Удивительно, почему Андрей именно его отправил сопровождать меня к алтарю. Преданность друга проверяет? Я покосилась на адвоката и пошла еще медленнее. Вдруг этот старикашка решит столкнуть меня с лестницы. С него станется! Осторожно поставив ногу на первую ступеньку, я подхватила шлейф и перекинула его через руку от греха подальше.

Но все прошло благополучно. Видимо, адвокат не рискнул со мной расправиться по-быстрому. В тюрьме оказаться на старости лет не захотел, спасти его будет некому.

«Успокойся, дуреха, – уговаривала я себя. – Андрей меня любит и в обиду не даст».

Как я ни хорохорилась, а свадьба прошла как в тумане. Нет, я, конечно, видела гостей, сидевших полукругом на расставленных для них белых стульях. Видела представителей загса, терпеливо ждавших, пока невеста подойдет к импровизированному алтарю. Видела и будущего мужа – высокого, немного полноватого, но не утратившего былого величия человека с красивой фамилией Крус. Андрей Крус.

Но все мероприятие я ощущала себя спрятанной в прозрачный шар, которые спускают на воду для развлечения отдыхающих. Изнутри мир вокруг казался нереальным и неестественным. Всех вижу и слышу, но будто издалека. Ко-

гда нас зарегистрировали, и мы повернулись к гостям, заиграла свадебная мелодия. Конферансье пригласил нас на танец.

– Ты как, не устала? – шепнул мне на ухо Андрей.

Горячим воздухом обдало мою шею, и я невольно дернулась. Он внимательно посмотрел на меня из-под широких бровей. Черные глаза светились любовью. Мне стало стыдно, и я придвинулась ближе и даже положила ему на плечо голову. Повинуясь сильным рукам, я плавно двигалась под музыку, а взгляд лениво скользил по лицам гостей. Внезапно я увидела Глеба. Он в упор смотрел на меня, и мне показалось, что он был расстроен.

Не знаю, что я почувствовала в тот момент, но в груди сжался комок, губы задрожали, и я чуть не расплакалась. «Что я делаю? Зачем вышла замуж за старика? Что мне даст этот брак? Все вокруг и так понимают, что мое отношение к боссу далеко от нежности и преданности».

– Пойдем в спальню? – услышала я шепот и вздрогнула.

– Но еще рано!

– А кто нам помешает?

– А как же гости?

– Им и без нас хорошо.

Я окинула взглядом приглашенных родственников и друзей. Действительно, никто не обращал на нас внимания. Люди пили шампанское, развлекали друг друга разговорами. Только Глеб следил за нами, не отрывая взгляда, да хихикал

Эдуард Григорьевич. «Этот чего веселится? Не понимаю!»! – раздраженно подумала я.

– Мы хотели поехать в медовый месяц.

– Прости, дорогая, не могу. На завтра назначена важная встреча.

– Какая встреча? – глупо переспросила я, не понимая, почему, будучи секретарем-референтом, я ничего не знаю о планах босса.

– Незапланированная. Извини. Пойдем, – он потянул меня за руку, и я повиновалась, так как знала, что теперь мне не избежать близости, от которой я отказывалась под разными предложениями.

Крепко держа меня за руку, Андрей прошел вперед и встал перед гостями.

– Дорогие друзья, мы с Полиной очень рады, что вы сегодня с нами. Пожалуйста, развлекайтесь, отдыхайте. Мы ненадолго вас покинем.

– И вам удачи!

Андрей не стал слушать выкрики, а потянул меня к выходу.

– Мы куда?

– Это сюрприз.

Сердце бешено заколотилось. Не люблю я сюрпризы, о которых не знаю.

– Я переоденусь.

– Не надо. Это недалеко.

Андрей подвел меня к белому лимузину и торжественно открыл дверь, предлагая сесть. Я неловко забралась, он поправил мое платье, а сам обошел машину с другой стороны и сел рядом. Автомобиль мягко двинулся вперед. Если бы не мое нервное состояние, я, наверное, была бы тронута такой заботой, но я почему-то волновалась.

И напрасно. Время в дороге мы провели отлично. Пили шампанское, смеялись и строили планы. О том, какая встреча назначена у Андрея на завтра, я не спрашивала: не хочет говорить, значит, так надо. Автомобиль остановился у входа в роскошный отель.

– Так как у меня не получилось свозить тебя в медовый месяц, я снял номер для новобрачных. Прошу любить и жаловать.

Андрей помог мне выйти из машины, нежно взял за руку и повел в новую жизнь. Швейцары в красных ливреях нам поклонились и широко распахнули двери. Перешагивая через порог, я оглянулась. Мне показалось, будто в окне подъехавшей машины я увидела лицо Глеба. Но Андрей потянул меня за руку, видение пропало, и я о нем забыла.

А зря.

В отеле нас ждали. Не успели мы войти, как нас встретили аплодисментами, лепестками роз, посыпавшимися на наши головы, и вальсом Мендельсона. Андрей не стал на потеху публике танцевать, а просто властно взмахнул рукой, и люди расступились. Я толком и не замечала, кто вокруг нас.

Мелькали какие-то лица, щелкали затворы фотоаппаратов, слепили глаза огоньки вспышек. Муж крепко держал меня за руку и вел по направлению к лифтам. Я стучала каблуками по звонкому керамическому покрытию, а шлейф платья, как хвост змеи, с легким шуршанием тянулся сзади.

Вдруг я споткнулась и потеряла равновесие: кто-то невидимый наступил мне на шлейф. Если бы Андрей не держал меня за руку, я бы точно свалилась на глазах у зрителей. Я резко оглянулась: ни одного знакомого лица, никто не сконфузился и не извинился. Тогда я подхватила длинный кусок ткани и, как же как на лестнице, перекинула его через руку.

– Дорогая, не отставай, – позвал меня муж, и я вошла за ним в дверь кабинки лифта.

– Что-то случилось?

– Нет. Все нормально.

Этот маленький инцидент неожиданно переключил мое внимание с предстоящих событий и помог расслабиться. В лифт я вошла уже спокойно. «Чему быть, того не миновать», – философски рассуждала я и смотрела сквозь стекло кабины, неторопливо ползущей по наружной стене здания, на Москву, залитую солнечным светом.

До вечера еще было далеко, и мне не хотелось запираться на неизвестное время в номере с мужем, но теперь свобода, увы, была пока не в моей власти.

Мы вышли на двадцать пятом этаже в пентхаусе. Вот так, сразу оказались в номере под самой крышей. Андрей поло-

жил пластиковую карточку, которой открывал двери в лифт, на столик, а я, так как никогда не была в подобных местах, с любопытством оглядывалась.

В огромном холле, выдержанном в желто-коричневых тонах (кажется, это любимые оттенки мужа), было просторно и пусто: два небольших столика на кривых ножках у стен, зеркало в пол, распахнутые двери в гостиную. Зато в квадрат окна в потолке заглядывало голубое небо. Сквозь стекло пробивались солнечные лучи, отражались от лакированных и металлических поверхностей, преломлялись и озаряли все радужным светом.

– Как здорово! – невольно вырвалось у меня.

– Я знал, что тебе понравится, – улыбнулся Андрей и потянул меня в комнату.

Я закружилась от восторга и опять чуть не упала, наступив на свой же хвост.

– Переоденься.

– Ой, у меня ничего нет!

– А тебе что-то надо?

– Конечно, – я нахмурилась на что это он намекает?

– Иди сюда.

– Зачем? – насторожилась я и сделала шаг назад – волнение перехватило горло.

– Да, не бойся ты, – он протянул мне руку, а так как я медлила, просто сжал мои пальцы и потащил за собой.

Его лицо сияло от счастья, черные глаза уже не казались

мне такими непроницаемыми, в них подмигивали озорные огоньки, будто там поселился чертик.

Мы миновали гостиную, спальню, мне чуть плохо не стало от огромной кровати, покрытой чем-то невесомым и белоснежным и посыпанной лепестками роз, и, наконец, Андрей открыл дверь в еще одну комнату, и я обомлела. Я просто, как идиотка, стояла с приоткрытым ртом и моргала глазами, которые вдруг стали наполняться слезами. Горло сжал комок.

– Дорогая, – бросился ко мне встревоженный муж, – что случилось?

– Андрей! Это же...

Это была джакузи. Легкий пар курился над водой, покрытой лепестками роз, нежный запах которых щекотал ноздри. На крах ванны стояли горящие свечи и тоже источали тонкий аромат, а на маленьком подносе – бокал с шампанским. Но не это банальное приключение для молодоженов вызвало мой восторг.

Я видела и раньше такие ванны, но эта... она находилась в углу большого помещения, стенами которого были огромные, от пола до потолка, окна. Отсюда весь город лежал, как на ладони. Я сразу представила, как он выглядит при вечернем освещении и застонала от переполняемых меня чувств.

– Нравится?

– Это прелесть! Я никогда такой красоты еще не видела. Я хочу жить в этой ванной комнате!

– Нет, жить мы будем дома, – засмеялся Андрей и слегка сжал мою руку, – но этот номер мой. В любой момент ты можешь провести в нем время, если хочешь.

– Спасибо! Ты у меня...

Я запнулась: наши отношения нельзя было назвать очень теплыми и нежными. Вернее, Андрей смотрел на меня с обожанием, а я держала дистанцию. Единственный мужчина, перед которым я раздевалась и которого когда-то боготворила, Глеб, предал меня. Я боялась довериться новому человеку, пусть даже такому хорошему, как Андрей. Может быть, я и рискнула, если бы была влюблена. А так...

– Ты, наверное, хочешь принять ванну? – выручил меня муж.

– А ты не против?

– Отдыхай. Здесь есть все, что тебе понадобится. Давай я тебе помогу.

Я опять дернулась, когда он стал осторожно снимать с меня фату. Вот она полетела на пол, а пальцы мужа уже расстегивали маленькие пуговицы на спине. Я стояла молча, не зная, что должна говорить. Когда он потянул за плечи свадебное платье, я зажмурилась и одним движением скинула его на пол. Потом перешагнула белый ворох шелка, кружев и парчи и хотела повернуться к нему лицом, но сильные руки удержали меня на месте. Андрей притянул меня к себе, и я почувствовала его желание.

Его руки держали меня за талию. Ни разу он не позво-

лил себе вольностей. Глеб, когда уговаривал меня соблазнить босса, говорил, что он способен только наблюдать. И хотя я не очень верила этой сволочи, все равно возникли сомнения. За эти месяцы встреч с Андреем он никогда не требовал от меня больше, чем общение, и награждал только легкими отеческими поцелуями.

А тут... Он прижимал меня всего мгновение, но я уже перепугалась до чертиков. Желание удрать подальше переполняло меня, но я взяла себя в руки.

– Дорогой, я хочу принять ванну. Я так устала.

– Да, любимая, я буду тебя ждать, – он поцеловал меня горячими сухими губами в шею и отпустил. Если что-то понадобится, зови.

Наконец я осталась одна и огляделась. Боже! Какая невероятная красота! Хотелось кричать, но я только тихонько попискивала. Оттого, что можно просто стоять обнаженной и любоваться раскинувшимся перед тобой городом, меня переполняло неведомое чувство какой-то непередаваемой свободы и счастья. Я медленно сбросила нижнее белье, забралась в ванну и стала разглядывать помещение. В стеклянных шкафчиках выстроились в ряд флаконы с шампунями, гелями, солями, кремами и другими парфюмерными штучками, делавшими любую женщину просто счастливой.

Не знаю, сколько времени я предавалась наслаждению. Никто меня не торопил. И вообще, в номере стояла тишина, будто в нем никого, кроме меня, больше не было. Когда вода

остыла, я поняла, что надо выбирать: тяни время, не тяни, а все равно придется выходить. Но ванна и бокал шампанского помогли мне расслабиться и принять свою судьбу.

Я вдруг подумала, что теперь смогу противостоять давлению мамы и Глеба. Мамочка получит денежную свободу, так что она добилась желаемого, а Глеб... Пусть идет к черту! Я даже могу попросить мужа избавиться от корыстного водителя.

Хороший настрой не помог. Когда я вышла из ванной в накинутом на плечи махровом халате и увидела спящего на кровати старика, одетого в такой же как у меня халат, чуть не поддалась соблазну одеться тихонько и сбежать. Но тут он открыл глаза, похлопал ладонью по постели рядом с собой.

– Иди ко мне, малышка!

– У меня волосы сырые, – пискнула я и рванулась опять к ванной комнате, но, несмотря на возраст, он оказался шустрее. Муж дернул меня за руку, и мы опрокинулись на кровать, которая закачалась подо мной, будто лодка по волнам.

– Что это? – взвизгнула я и попыталась освободиться.

– Это водяной матрас. Не переживай, сейчас привыкнешь.

Но привыкнуть я не могла. Подо мной качалось и вибрировало море, а на волнах я еще сексом не занималась. Ничего не могла с собой поделывать, не переключалась и все.

Руки Андрея нежно развязали пояс халата и замерли. Я приоткрыла один глаз: муж восхищенно разглядывал меня. На его лице застыло какое-то детское выражение удивления

и счастья. Он, как ребенок, получивший в свое распоряжение долгожданную игрушку, не мог ею налюбоваться.

– Боже! Какая ты красивая!

Его ладони побежали по моему телу. Я сцепила зубы и, сдерживая дыхание, чтобы меня не опрокинули запахи увядшего мужского тела, решила вытерпеть муку до конца. Муж, не раздеваясь, за что я ему была очень благодарна, так как боялась, что не выдержу, если увижу его голого, провел пальцами по моему лицу, спустился к шее, поцеловал пульсирующую жилку. Я едва сдерживала порыв оттолкнуть его, вскочить и убежать, куда глаза глядят. «Терпи, раз подписалась на это! – билась в висках мысль. – Терпи».

Далее началась двойная атака: его губы провели влажную дорожку по ложбинке между грудей, а пальцы коснулись сосков и сжали их. Я вздрогнула и затрепетала, но не от желания, пронзившего меня, как это бывало с Глебом, а от отвращения. «Неужели я буду терпеть эти муки каждую ночь?» – думала я, едва сдерживая слезы.

Руки мужа миновали живот и нырнули вниз, на бедра. Я невольно сжала колени.

– Расслабься, – услышала я приказ, но сжала ноги еще сильнее. – Полина, расслабься!

Андрей надавил мне на бедра и с силой развел их. Я затряслась. Он, так и не сняв халата, пристроился между моих бедер и лег всей тяжестью сверху.

И в этот момент завывла пожарная сигнализация.

Глава 6

– Что за черт! Что там случилось? – вскрикнула я и скинула с себя мужа. На нас с потолка веером полилась вода.

Мы вскочили. Я схватила халат и бросилась к выходу. Андрей за мной, только схватил телефон. От потоков, льющихся сверху, некуда было скрыться. Я побежала к кабине лифта. Закрыто.

– Вот черт!

Вернулась за ключом. На столе – пусто. Пошарила глазами по полу – ничего.

– Андрей, где ключ?

– Какой? – муж стоял с телефоном и яростно жал на кнопки.

– От лифта!

– Там ищи!

Я встала на четвереньки. Куда пропал ключ? Слышу, Андрей кричит:

– Отключите пожарную сигнализацию! Что там у вас происходит?

Я снизу, сквозь плену воды и волос, облепивших лицо, смотрела на разъяренного мужа и не верила своим глазам. Таким злым я его еще не видела. Со мной он обращался вежливо и корректно, но сейчас... это был тигр, запертый в клетке, голодный и злой, если, конечно, можно применить к че-

ловеку такое сравнение.

Наконец сирена заткнулась. Ура! В наступившей тишине слышно было, как барабанили по всем поверхностям капли. Они срывались с потолка и попадали то на лоб, то на нос. Мы были насквозь мокрые, и прекрасный номер вокруг тоже превратился в болото.

Я смотрела на мужа и молчала: какой смысл биться в истерике? Я была даже довольна таким поворотом событий. На насквозь пропитанную водой постель меня теперь точно никто не потащит.

– Ты почему лифт не вызвала? – повернулся ко мне Андрей и помог встать, и я снова испугалась его напряженного каменного лица.

– Ключ пропал.

– Как пропал? Я его сюда положил, – Андрей подошел к столу и для большей надежности провел по нему ладонью. – Черт возьми! Что происходит? – он повернулся ко мне, как будто это я решила развлечься и спрятала ключ. – Иди, переоденься, – голос его смягчился, – сейчас ввалится толпа служащих.

– А во что? – глупо спросила я.

– Посмотри в спальне в шкафу, там есть одежда, может, она не так сильно промокла.

Я, шлепая голыми ступнями по ковру и на каждом шагу проваливаясь в воду, отправилась в спальню. Наше ложе любви превратилось в мокрую цветочную поляну. Я удовле-

творенно улыбнулась и полезла в шкаф.

Действительно, одежда, висевшая там, почти не промокла. Я нашла для себя нижнее белье, все самого лучшего качества и джинсы, но только бросила взгляд на этикетку, как обомлела: на ней значился самый известный и дорогой бренд. Футболок на полках я не обнаружила, поэтому сверху накинула простую белую рубашку, правда, простота эта тоже стоила немало.

Я посмотрела на правую сторону шкафа, где висела мужская одежда, немного постояла, не зная, должна ли я позаботиться о муже, чей гневный голос доносился из холла, но все же приготовила и для него белье, рубашку и брюки. Положить это добро было некуда, поэтому я просто взяла свой мокрый халат и тщательно вытерла кресло, стоявшее в углу. Слава богу, оно было кожаное, поэтому не пострадало. Я аккуратной стопкой сложила одежду для Андрея, немного подумала и кинула сверху носки.

– Дорогая, ты уже переоделась? Мы можем зайти.

– Да, конечно, – я прошлепала босиком по чавкавшему ковру и распахнула дверь.

За спиной Андрея я увидела толпу работников отеля с виноватыми лицами. «Все верно! Я бы тоже разозлилась, если бы мне испортили первую брачную ночь с любимым!» Правда, сейчас я тайно ликовала.

– Полина, мы едем домой, – объявил Андрей. – В этом месте я ни на минуту больше не останусь.

– Андрей Степанович, – оправдывался администратор с багровым лицом. – Мы сами не понимаем, что случилось. Никакого возгорания не обнаружили. Почему сработала система, загадка и для нас.

– Ладно бы только сирена завывала, но вы посмотрите, во что превратился мой праздник!

Андрей гневно сбросил мокрый халат. Ой! Я рефлекторно зажмурилась: не хочу смотреть. Не хочу! Но тут же опомнилась. К нам приковано внимание такого количества людей, что каждое движение, слово жест или мимика будут истолкованы с разных сторон и неверно. Стараясь не смотреть на голое тело мужа, я подала ему нижнее белье. Он нисколько не стесняясь горничных, которые не знали, куда спрятать глаза, схватил боксеры так, будто всю жизнь одевался и раздевался на публике. А может быть, это я зажата? Андрей привык повелевать людьми. Они для него не больше букашек под ногами, и считаться с их чувствами он точно не станет.

Я расчесывала перед зеркалом в холле еще влажные волосы и думала о том, кто мог так подло включить сигнализацию. В голове появился только один образ: Глеб. Память услужливо подсказала, что я видела его перед въездом в отель. А потом кто-то наступил мне на шлейф.

«Нет. Шлейф тут ни при чем. Что за детский сад подозревать Глеба даже в такой мелкой мести», – нахмурилась я и хотела пройти в ванную, чтобы высушить волосы феном, но остановилась: вокруг одна вода. Вдруг короткое замыкание

будет!

«Но зачем Глеб пошел на такой риск? Его план сработал, я вышла замуж за босса. Что теперь ему не нравится?» Ответ нашелся сразу: теперь его жадность одолела. Кажется, он не хочет мною делиться. Собственник хренов!

Андрей вышел из спальни с носками в руках и двумя парами обуви: мокасинами для меня и черными туфлями для него. За ним семенил администратор. Горничные уже начали убирать воду. Он подошел ко мне и поцеловал в щеку:

– Спасибо, дорогая, за заботу.

– Мы сейчас куда?

– Пойдем на ужин. Я заказал столик в ресторане отеля.

– Но я не одета для ужина.

– Ничего! Отель виноват, что держит безалаберных сотрудников. Так что они примут нас в любом виде.

– А потом, куда пойдем?

– Домой. Нас уже ждут.

– Кто?

– Сюрприз, – Андрей загадочно улыбнулся и взял меня за руку.

Мы вошли в лифт. Я с удивлением обнаружила, что на улице уже темно. Мы без проблем спустились на первый этаж, по-прежнему держась за руки. Когда мы проходили мимо длинной зеркальной стены, я невольно косила глазами: любопытно было узнать, как мы смотримся в паре. Вполне ничего. Седой папик и его молоденькая жена – обычное яв-

ление современной жизни. Наоборот, на фоне своего пожилого мужа я выглядела неземной нимфой: черные гладкие волосы до талии поверх белой рубашки и огромные испуганные синие глаза смотрелись замечательно.

С Глебом мы не составляли такую парадоксальную пару. Он был очень привлекательным, и моя красота рядом с ним немного тускнела. Может быть, поэтому я до двадцати двух лет жила, ничего не зная о своем влиянии на мужчин.

Ужин прошел в непринужденной беседе. Мы выпили красного вина, я даже не спрашивала, сколько оно стоит, и расслабились. Стали воспринимать случившееся как веселое приключение.

– Дорогая, у нас впереди еще много праздников. Хочешь, я тебе каждый день буду их устраивать? – говорил Андрей и держал мою руку.

– Хочу! – дерзко ответила я и практически впервые посмотрела прямо в глаза мужа. – Дорогой, я выйду в туалет?

– Конечно, иди! О таких вещах разве спрашивают?

Я положила на стол салфетку и встала, а по залу шла так, будто на облаке плыла: всем своим видом говорила косым взглядам: «Смотрите, как меня любят, и завидуйте».

В туалет я отправилась только потому, что хотела остаться одна и скинуть, пусть всего на пять минут, напряжение. Я зашла в кабинку, немного посидела на крышке унитаза, размышляя, куда бы позвонить. Так и не придумала. Близких подруг у меня не водилось, так, приятельницы, которых я

даже на свадьбу не пригласила. С коллегами я тоже держала дистанцию по приказу Глеба. Он боялся, что при сближении я невольно могу проболтаться. Бывшему другу и мамочке я звонить не хотела.

– Видела, фифу?

Я прислушалась? О ком это говорят?

– Какую?

– Ту, что с папиком пришла.

– Ну.

– Это президент Крус-холдинга.

– Правда? Приятный господин.

– А главное, очень денежный.

– А девица, кто?

– Его секретарша. Охмурила мужика, а законную жену он прогнал.

– Вот сучка!

– Ага.

Дверь туалета хлопнула, и я с трудом нашла в себе силы выйти из кабинки. Я поняла, что разговор был обо мне. Сначала расстроилась и хотела выйти, а потом поняла, что болтушки правы: я, действительно, охмурила мужика.

Я посмотрела на себя в зеркало, вытащила блеск для губ, уже поднесла его к лицу и бросила назад в сумку. Даже краситься не хотелось. Настроение испортилось окончательно. Будто не выходила сегодня замуж и не отхватила крутого мужа. Я пошла к выходу. Только открыла дверь, как меня схва-

тили за руку, дернули, а потом куда-то потащили.

– В честь чего он рано помрет? Сейчас все долгожители, – сердилась на себя, и на него.

Я уже набрала в легкие воздуху и приготовилась закричать, но мне закрыли рот рукой. Я отчаянно сопротивлялась, но, так как меня тащили спиной вперед, ничего не могла сделать. Потом услышала, как открылась и закрылась дверь. Резкий свет ударил в глаза, и меня отпустили.

– Какого черта!

Резко повернулась, и крик застрял у меня в глотке, так и не родившись: в похитителе узнала Глеба.

– Тихо, тихо. Не буянь! – он прижал меня к себе и стал исступленно целовать.

– Пусти! Идиот! Что ты делаешь? – я крутила головой, не давая губы. – Я закричу!

– Дурочка! Я так рад, что тебя вытащил!

– Откуда вытащил? Ты что мелешь? У тебя с головой все в порядке? А если кто-нибудь увидит? – взвизгнула я и наконец оттолкнула его.

– Здесь? Разве что мыши и тараканы, – Глеб счастливо засмеялся.

Я огляделась. Он затащил меня в какую-то подсобку, где стояли швабры, ведра, висели тряпки и спецодежда. Гнилостный запах старой ветоши наполнил мне ноздри.

– Фу! А если сюда кто-то зайдет?

– Да, плевать! Поль, давай сбежим.

– Приехали, дружок! Сначала замуж меня выдал, а теперь сбежим?

– Не могу я! Как увидел тебя в свадебном платье, так и понял, что люблю. Не хочу отдавать другому.

– Поздно ты одумался, – во мне что-то дрогнуло, и я приоткрылась к Глебу.

Он выглядел ужасно. Лицо осунулось, глаза провалились и лихорадочно блестят. На лбу – бисеринки пота. Руки, которыми он меня держал, дрожали. Мне даже стало жалко парня, но его поезд уже ушел, и возврата к старому нет.

– Вот такой я дурак! Поля, не могу отдать тебя ему! Не могу! Хочу, чтобы ты только от меня детей рожала.

– Ты сошел с ума!

Взгляд лихорадочно метался по стенам закутка в поисках выхода. Надо выбирать. Но как? С сильным Глебом мне не справиться. Я даже не представляла, что сделает с ним Андрей, если застанет нас вместе. А со мной? Мороз побежал по коже. Попробую договориться.

– Глеб, не дури. Давай действовать по твоему плану, – попыталась я его успокоить. – Отпусти меня сейчас, а потом поговорим.

– Как? Я же тебя теперь не увижу. Он запрет тебя, как собачку, в доме и станет выпускать только на поводке.

– А разве ты не знал, что так будет?

– Знал. Но не думал, что начну сходиться с ума. Поля, я как представлю, что он тебя лапает, убить его готов.

– Здравсте, приехали! Опомнись! Никто меня еще не лапал.

– Правда, а я так боялся, что не успею.

– Стоп! Это ты, значит, вселенский потоп устроил?

– Ага. Босс часто в этом номере останавливался. Вот я на всякий случай дубликат ключа сделал. Пригодился, – Глеб горделиво вынул из кармана пластиковую карточку и потряс ей в воздухе.

– Идиот! Дурак! Что мне с тобой делать? – застонала я. – Андрей это на тормозах не спустит. Разбираться начнет. Записи камер посмотреть. У тебя котелок совсем не варит?

– Какие камеры? Ты о чем? Я о них даже не вспомнил. Поль, да я будто с ума сошел. Все представлял, как он к тебе пристаёт.

– Андрей – мой муж. Он и должен приставать.

Глеб полез ко мне целоваться. В тесном пространстве некуда было деться. Я могла только отворачивать голову, и все.

– Полюшка, я тебя хочу, – Глеб тяжело задышал и притянул меня к себе. Я стала бороться, но как-то вяло. Глеб на меня всегда действовал как катализатор: я мгновенно загоралась только от одного его взгляда. Несколько месяцев воздержания дали о себе знать. Я тоже начала заводиться и уже готова была поддаться Глебу.

– Стоп! Стоп! Руки убери! – одумалась я, как только почувствовала его пальцы, расстегивавшие мне джинсы. – Ты

смерти нашей хочешь? Меня наверняка уже разыскивают.

– Полька, наплюй. Ты всегда рискованная была! Что вдруг испугалась?

– Не хочу! С тобой не хочу! – яростно шептала я прямо ему в рот. – Я лучше с мужем старым смирюсь, но с тобой больше никогда... ни за что. Даже не приближайся!

Я изо всех сил толкнула растерявшегося от моего напора Глеба. Он упал. Загремели ведра, ему на голову посыпались швабры и тряпки, а я рванула к выходу.

– Тогда я его убью, – глухо, будто из подвала, донеслись слова Глеба.

Я вернулась.

– Что-о-о? А ну, гаденыш, повтори, что сказал?

– Полька, если ты не будешь со мной, я его убью.

– Ты сдурел?

Я набросилась на него с кулаками и мочалила, куда придется. Глеб сначала закрывался руками, а потом зажал мне запястья и повалил на пол.

– Попалась, которая кусалась? Поля, я не шучу. Решай: или ты вернешься ко мне, или я прикончу твоего мужа.

Сказал он эти слова холодным тоном, при этом пронзительно глядя мне в глаза, и мне стало страшно. Таким я Глеба еще не видела.

– Не посмеешь, – просипела я, придавленная тяжестью мужского тела.

– Хочешь поспорить? И сделаю так, что и ты будешь вы-

мазана по самые уши. – Глеб резко встал, а потом и меня выдернул наверх. – Иди и подумай хорошенько.

Он подтолкнул меня к выходу, вытолкнул за дверь и закрылся изнутри. Я остановилась. Между разговорами об убийстве и реальным действием лежит огромная пропасть, и нам с Глебом ее не преодолеть. Про себя я точно знала: какой бы стервой я ни была, до того, чтобы забрать чью-то жизнь, я не опущусь. Это точно. Но почему мне так холодно и страшно?

В коридоре никого не было и я благополучно добралась до холла. А вот здесь намечалось настоящее светопреставление. В центре стоял Андрей с каменным лицом. Вокруг него носились официанты и администраторы, охранники и швейцары. Все куда-то звонили, что-то говорили и кричали. Народ, чувствуя, что случилось что-то странное, столпился у выхода из ресторана. Парочка человек даже стояли с включенными камерами телефона.

Все это я окинула одним взглядом и без слов поняла, что стала причиной скандала.

– Вот она! – крикнул кто-то.

Андрей резко развернулся, и мы встретились глазами. Его черные агаты метали огонь. Так и казалось, что эти искры сейчас испепелят меня. Я сжалась от страха, опять мороз побежал по коже: или в этом отеле так сильно работают кондиционеры, или я все время хожу по краю пропасти, но напряжение звенело и дрожало в воздухе.

– Дорогая, где ты была?

Взгляд мужа потеплел, он бросился ко мне и крепко обнял. Но страх не исчез. Я будто висела в пространстве: с одной стороны Глеб с его сумасшедшими угрозами, а с другой – Андрей, и еще неизвестно, что страшнее.

– Поехали домой, я устала.

– Да, конечно.

Андрей махнул рукой администратору, тот понял без слов, и через минуту у входа отеля остановился наш белый лимузин. Я вздохнула с облегчением: наконец-то тревожные сегодняшнего дня закончатся. Я уже согласна была лечь в постель с мужем и принять его, как и положено добродетельной жене.

В машине мы сидели, крепко обнявшись, и молчали. Андрей только изредка чмокал мой затылок. Я вдруг с ужасом поняла, что он меня по-настоящему любит, как любил когда-то отец, и почувствовала себя подлой стервой. «Все, я постараюсь полюбить тебя! – решила я про себя и даже потянулась губами к Андрею. Он удивленно приподнял брови, но наклонился, чтобы ответить, и в этот момент зазвонил его телефон.

– Прости, дорогая, это Дибо. Он нас уже потерял.

Дибо? Что за дебильное имечко? И кто это Дибо? Откуда он взялся? Может, еще один адвокат, которого наняла жена Андрея?

Я ничего не имела против Луизы. Она прошлое моего му-

жа, а я его настоящее. Но все равно, наблюдая, как она полгода преследовала Андрея, не давала ему прохода своими требованиями и запросами на алименты, я невольно стала относиться к ней без уважения, и это еще мягко сказано. Порой, когда она появлялась на пороге приемной босса, не зная, что именно я причина ее развода с мужем, она вела себя так высокомерно и надменно, что мне хотелось остудить ее пыл питательным поливом из розовой леечки. Но я вежливо улыбалась и терпела.

Я прислушалась к разговору.

– Ты поздно придешь домой? Хорошо. Встретимся утром.

Андрей отключился и весело посмотрел на меня.

– С кем мы встретимся утром? – я устала после длинного и волнительного дня, хотела спать, поэтому спросила так, из вежливости. Мне совершенно было неинтересно, кого пригласил Андрей.

– Увидишь. У нас гость. Он остановится только на несколько дней, так как в Москве находится по делам.

– Такое странное имя, Дибо.

– Это детское прозвище, – засмеялся Андрей. – Надеюсь, вы друг другу понравитесь.

Глава 7

Кто такой этот Дибо, меня сегодня уже мало интересовало. Так, отметила про себя странное имя, и все. После тревожных дней хотелось принять душ и завалиться в постель. Желательно одной. А еще я мечтала обдумать наш разговор с Глебом. Не нравился мне его настрой. Мы с ним не договаривались об убийстве босса. Я очень надеялась, что Глеб сболтнул это сгоряча, желая добиться от меня взаимности.

Мы приехали в особняк, когда совсем уже стемнело. Двухэтажное здание встретило нас тишиной и шумом ветра в приоткрытом окне. Иногда он пузырем надувал легкую штору, и казалось, будто чудовище машет приветственно руками. Жутковато.

– Здесь всегда так пусто? – спросила я, оглядывая просторный холл, углы которого прятались в темноте.

В груди все сжалось, будто я вступала сейчас не в новую жизнь, а на эшафот. Тревожное чувство проснулось в душе и не желало оттуда выбираться.

– Да, круглые сутки дежурит только охрана, но у них штаб в пристройке. Если ты хочешь, я попрошу домработницу оставаться на ночь. У нее есть своя комната в доме.

– Нет. Все в порядке. Так даже лучше.

– Не переживай. Таня приходит рано. Когда спустишься к завтраку, все уже будет готово. Устала?

Андрей поцеловал мою руку и потянул за собой.

– Да, немного.

– Пойдем отдыхать.

Он привел меня в ту же спальню, где я надевала свадебный наряд. Теперь комната сияла чистотой. На кровати лежало белоснежное покрывало, а полог уже не казался гнездом сапрофитов. Что это со мной? Может быть, мое отношение к дому изменилось потому, что он стал моим? Я усмехнулась и огляделась, не зная, что дальше делать. Я хорошо помнила, что у меня нет никакой одежды с собой. Андрей приказал оставить прошлое в прошлом, и я послушалась.

– Что ты растерялась? Ты же хотела принять душ.

– Да, хотела, но...

– Подойди к шкафу. Это твой.

Андрей толкнул раздвижную дверь, и у меня перед глазами зарябило от разноцветной одежды.

– Это все мне? – я была потрясена до глубины души, проводя ладонью по шелковым, шерстяным, шифоновым, хлопковым и другим нарядам. Спать я уже не хотела, а мечтала примерить все сразу.

– Конечно, я же говорил, что дома тебя ждет подарок.

– А я думала, что сюрприз – это человек.

– Какой человек? А Дибо! Нет, он скорее... а, сама скоро узнаешь, – ответил Андрей и засмеялся. – Располагайся. Я пойду в кабинет, немного поработаю.

– А как же? – я скосила глаза на постель.

– У нас с тобой впереди еще много дней.

Андрей вышел, а я осталась одна и снова бросилась к шкафу. Какой у меня муж замечательный! Не только купил мне одежду, но еще и оставил одну, чтобы я могла насладиться ею.

Я час крутилась у зеркала. Удивительно, но все наряды будто сшили специально для меня. Они сидели идеально. Устав от примерки, я приняла ароматную ванну и, довольная и сонная, обрядилась в длинную шелковую сорочку (короткую не нашла, пижаму с шортиками, к которой привыкла дома, тоже) и остановилась перед широкой кроватью.

– Вот черт! А с какой стороны спит Андрей?

Звонить мужу не хотелось, поэтому я просто легла слева, оставив правую сторону ему. В конце концов, завтра разберемся.

Спала я как убитая. Вот только положила голову на подушку и отключилась, а потом утром включилась. Открыла глаза и сразу захлопнула веки: солнечный луч ослепил. Интересно, сколько времени?

Я нашла часы-будильник и ужаснулась:

– На работу опаздываю, идиотка!

Вскочила с кровати, чуть не упала, запнувшись о подол длинной рубашки, и засмеялась: мне не нужно бежать в офис, я вышла замуж за босса. Красота! Повела глазами вокруг – пусто. Посмотрела на правую сторону – тоже. Где Андрей?

Я откинулась на подушки и сладко потянулась: можно никуда не торопиться. Потом все же взяла телефон. Но о происшествии в отеле никто не написал ни строчки. Вообще. Не было информации и о состоявшейся свадьбе. Нет, так нет. Я пожалала плечами, встала, умылась, надела джинсовые шортики и голубую майку и подошла к зеркалу.

Внимательно приглядевшись к отражению, я увидела, что со вчерашнего дня совершенно не изменилась: то же юное лицо без морщин, те же тяжелые гладкие волосы и голубые глаза. Хороша! Только кольцо с крупным бриллиантом напоминало о том, что я вышла замуж.

А где же Андрей?

Я босиком выбежала из комнаты, вихрем пронеслась по пустому коридору и оперлась на балюстраду лестницы, чтобы осмотреться. Передо мной раскинулась огромная гостиная. Диваны, столики, камин, кажется, настоящий, орхидеи и даже рояль – все сверху казалось очень дорогим и солидным. Где-то вдалеке слышались голоса. Кто-то громко смеялся, но слов я не разбирала.

Легкая, как перышко, я буквально слетела с лестницы и побежала на звук. Чем ближе я подходила, тем яснее различала голоса. Говорили мужчина и женщина. Я еще не видела их, но уже хорошо слышала.

– Дибо, ты такой молодец, что нашел время повидаться с отцом!

С отцом? Я каким отцом? Я остолбенела и застыла у входа

в роскошную кухню, не решаясь зайти. С моего места я хорошо видела разделочный стол, стоявший в центре помещения, но не видела людей. Почему я ничего не знаю? Андрей специально мне не рассказал о сыне? Расстроенная неприятным известием, я прислушалась.

– А ты по мне скучала, Таня? – бархатный баритон, от которого у меня по спине побежали мурашки, произнес эти слова с легким акцентом.

– А то! Как я по моему мальчику сладенькому скучать не буду? – я услышала легкие шлепки по обнаженному телу.

«Что они делают? – глаза мои полезли из орбит. – Совсем совесть потеряли?»

– Ути-пути! На моих глазах твоя шишечка росла.

Какая шишечка? Чья шишечка? А-а-а-а, эта... Я растерялась, но, услышав опять веселый смех, сообразила: эта Таня просто шутит!

– А на свадьбу, почему не приехал?

– Ты смеешься? Я эту девицу воспринимаю только как игрушку для ночного развлечения. Я даже рад, что отец развелся с Луизой. Мы с ней были... как это по-русски сказать?

– В контрах.

– Ага.

– Зря ты так! Она заменила тебе мать.

– Не говори мне об этой стерве! Слышать ничего не хочу!

Я из-за нее уехал учиться в Испанию.

– Ладно тебе! А новую жену примешь?

– Какая она жена? Захотел мой старичок на старости лет побаловать себя свеженьким тельцем, да ради бога!

– Ты это говоришь зря. Полина не только красива, но неплохо образованна и очень умна (я улыбнулась: спасибо большое неизвестной защитнице). Просто на абы какой финтифлюшке Андрей Степанович бы не женился.

– Вот я и решил сам на эту охотницу за приданым посмотреть.

– Как знаешь. Все же подумай, вдруг ты ошибаешься.

– Ты чего здесь стоишь? – кто-то обнял меня сзади за талию. Я вздрогнула, дернулась в сторону. – Подслушиваешь?

– Я? Нет...

– Пошли, познакомлю с Дибо.

Андрей подтолкнул меня в кухню, и я наконец увидела сплетников. На меня смотрела полноватая женщина лет пятидесяти в белом переднике и с разделочным ножом в руках. В ее глазах заплескалась растерянность.

Мужчина стоял у окна спиной к входу. Высокий, ладно скроенный, с черными густыми волосами. Он был одет только в джинсы, и от широких плеч, узкой талии, бугристых мышц веяло страстью, силой и... опасностью. Белая футболка висела на стуле. Не глядя, он взял ее в руки, натянул на крепкое тело и медленно повернулся. Белозубо улыбнулся отцу и посмотрел на меня.

О боже! Я мгновенно утонула в бездонной черноте этих глаз, застыла, пригвожденная его жестким взглядом к полу,

и... задрожала. Появилось ощущение, что кухня кружится: мелькают стол, стулья, кастрюли, люди, и этот смерч засасывает меня в свою воронку.

Дибо медленно, с пластикой тигра, настигшего свою добычу, пошел через кухню, а мне вдруг показалось, что черной тучей надвигается беда.

Вот-вот. Сейчас.

Он прыгнет, и от меня останутся только воспоминания.

Таня уронила на пол, покрытый керамической плиткой, нож. Звон грохотом отозвался в моих ушах, но я смотрела только на Дибо. Он обогнул стол, и остановился рядом. Пристально поглядел на меня сверху вниз прищуром черных, как ночь, глаз, и протянул руку:

– Мамочка! Позвольте представиться, ваш сын – Дьябло Крус.

Не в силах оторваться от его гипнотического взгляда, я сунула ему трясущиеся пальцы. Дибо слегка пожал их кончики и... отвернулся. Кажется, я перестала его интересовать.

– Сын, зачем ты так? – сказал с упреком Андрей.

– А что я сделал неправильно? По существу, все верно сказал. Сначала моей мамой была Луиза, теперь вот... она.

Он небрежно махнул в мою сторону вилкой и потянулся к тарелке, на которой лежало что-то наподобие поджаренного хлеба, нарезанного ломтиками и намазанного рублеными помидорами. Этот хам схватил кусочек и запихал его целиком себе в рот. Я смотрела, как зачарованная, как играют

челюсти на его лице, покрытом трехдневной щетиной, пережевывая хлеб, как закатываются от удовольствия глаза. Таня, до сих пор так и стоявшая растерянно посередине кухни, вспомнила вдруг про свои обязанности.

– Господа, прошу к столу. Сегодня на завтрак у нас яичница-глазунья с помидорами-черри и оливками и гренки с томатами.

– О, Танюша, настоящий испанский завтрак! – завопил Дибо. – Ты для меня постаралась? А где тогда чуррос?

– Будет тебе и чуррос, озорник! – домработница хлопнула по его упругому задку полотенцем.

Я бросила взгляд на Таню. Бедная женщина не знала, как загладить неловкую ситуацию. Она метнулась к плите и поставила на стол блюдо с аппетитными рифлеными палочками, похожими на наши жаренные в масле пончики, только более тонкие и вытянутые в длину.

Андрей подвел меня к столу, а Дибо резко отодвинул стул. Я замешкалась. Признаюсь честно, испугалась, что он не вернет его на место, когда я начну садиться, и я повалюсь на пол под демонический хохот этого хамоватого товарища. Но он не стал опускаться до уровня дворовой шутки, галантно задвинул стул, и я села. Колени дрожали. Босые ноги замерзли, и я спрятала их под стул. Я чувствовала себя неловко в коротких шортах и майке.

– Вам помочь? – я посмотрела на Таню, громыхающую тарелками, пытаюсь переключиться.

– Ну, что вы, Полина Олеговна. Это моя работа. Отдыхайте.

– Да, она устала после первой брачной ночи, – хохотнул Дибо.

– Сын, держи себя в руках! – прикрикнул на него Андрей, потом повернулся ко мне, – дорогая, постарайся не реагировать. Дибо у нас большой шутник. Крутого парня из себя строит. Tiene los cojones.²

– Точно, отец. Я такой и есть!

Они весело болтали на русском, иногда перемежая речь испанскими словечками. Я, конечно, начала тайком изучать язык, но практики было мало, поэтому, кроме расхожих, бытовых фраз, знала немного. Я переводила взгляд с одного мужчины на другого и не могла проглотить ни кусочка. Ковырялась вилкой в тарелке, но думала о другом.

Кто такой этот Дьябло Крус? Ну, и имечко! Зачем он приехал? Почему передо мной открываются неизвестные обстоятельства только сейчас? Как получилось, что я совершенно не в курсе происходящего? И вообще, откуда взялся этот сын, если у Андрея нет живых родственников? Вернее, я так думала, что нет, и документы это подтверждали. С языка чуть не сорвалось ругательство, но я сделала вид, что поперхнулась, и закашлялась.

– Дорогая, тебе плохо? – Андрей заботливо наклонился ко мне.

² Tiene los cojones – крутой (дословно: имеет яйца).

– Мамочка, тебе испанская еда поперек горла встала? Увы, так бывает, когда хочешь проглотить кусок побольше, а он не лезет.

– Дибо! – хором осадили сыночка муж и домработница.

Я разозлилась. Его ядовитые фразочки с двойным смыслом меня достали! Мгновенно из головы вылетели вопросы, а из души сомнения и терзания. Я не просто разозлилась, а взбесилась так, что готова была броситься с вилкой наперевес на этого лощеного господинчика, который ехидно называл меня мамой. Я посмотрела на него, и, видимо, в моих глазах полыхало пламя, поэтому он поднял руки вверх, капитулируя, и сказал:

– Tranquilamente, mi mamita.³ Спокойно, мамочка, спокойно! – Дибо встал из-за стола, потом подмигнул мне черным глазом и добавил. – Транквилизатор не хочешь принять, мамуля?

Я сжала вилку и вскрикнула: резкая боль пронзила ладонь. Я посмотрела на руку: костяшки пальцев побелели, а ногти со свадебным маникюром впились в кожу.

– Дорогая, ну, что ты, что ты? – всполошился Андрей. – Не обращай на него внимание. Дибо в России пробудет недолго.

«Да, но за это время он отравит мне жизнь. Или я его отравлю!».

– Андрей Степанович, вы собирались поехать в офис. Не

³ Tranquilamente, mi mamita – спокойно, моя мамочка (исп.)

переживайте, я позабочусь о Полине Олеговне, – вмешалась Таня, и я была ей благодарна.

Она отодвинула мужа в сторону, а потом проводила его из кухни. Я по-прежнему сидела на месте с вилкой в руках.

– Полюшка, дорогая, отдайте мне вилку. Вы себя поранили.

Я молча наблюдала, как она по одному разжимает мне пальцы, обрабатывает ранки на коже перекисью водорода и клеит на них пластырь. Потом с трудом расцепила сжатые до судороги губы и спросила:

– Он приехал надолго?

– Не знаю. Дибо – хороший человек, просто он очень любит отца и готов ревностно за него бороться. Вы держались молодцом. Если и дальше не будете его провоцировать, он смирится и отстанет.

Не провоцировать? Да я убить его готова. Во мне вдруг проснулась ярость дикой кошки. Ну, ну, посмотрим, кто сильнее. Я вернулась в спальню, никого по дороге не встретив. Переодевшись в демократичные джинсы, я подошла к окну и осторожно приоткрыла шторы.

Особняк уже начал оживать: в саду мужчина в кожаном переднике и сапогах постригал газон. Две девушки в одежде горничных, задорно смеясь, пробежали по дорожке и исчезли в подсобных помещениях. Причина их веселья раскрылась сразу: следом неторопливо шел Дибо, покручивая на пальце ключи. Он тоже переоделся. На нем импозантно

смотрелся синий костюм в узкую белую полоску и светлая рубашка с галстуком. Зачесанные назад волосы блестели на солнце.

«Да, он, кажется, чувствует себя в доме отца, как акула в океане, – неприязненно подумала я. – Интересно, куда он собрался?»

Дибо вдруг поднял голову, посмотрел на окна, и я испуганно отпрянула: еще решит, что я за ним подглядываю.

Я села на кровать и задумалась. Складывалось впечатление, что в доме о сыне моего мужа все знали. Как же так получилось, что эта информация прошла мимо моих ушей, и Глеб тоже о нем ничего не рассказывал?

Телефонный звонок отвлек меня от грустных мыслей. А когда я услышала в трубке голос Глеба, вообще чуть в обморок не грохнулась. «Вспомнишь заразу – появится сразу», – гласит русская поговорка. Это как раз о нем.

– Ты с ума сошел? Зачем звонишь.

– Поля, выйди к гаражу.

– Как? А если спросят, что я там забыла?

– Скажи, что знакомишься с территорией.

– Не пойду. И не звони мне больше.

– Хочешь, чтобы я сам к тебе в спальню поднялся. Посмотри в окно.

Я выглянула и обомлела: Глеб крутился у машины мужа, натирая ветошью лобовое стекло, и поглядывал на окна. Когда он появился? И память тут же услужливо подсказала:

пять минут назад я слышала шум отъезжавшей машины и решила, что это уехал Дибо. А на самом деле оказалось другое. Я с ужасом наблюдала, как Глеб бросил тряпку в ведро, стоявшее рядом, и медленно пошел по дорожке к дому.

– Стой. Я спущусь, – взвизгнула я. Не хватало еще, чтобы в первый день замужества меня застали в спальне с посторонним мужиком! – Как пройти к гаражам?

– Из холла есть выход. Дальше сама разберешься.

С телефоном в руках я бросилась вон из комнаты. Мышкой прошмыгнула по гостиной, где горничные с метелками смахивали пыль. Они остановились и посмотрели на меня удивленно, как на заморскую диковину. Так и хотелось сказать: «Чего уставились, дуры? Хозяйку не видели?»

– Девушки, а где у нас вход в гараж? – вежливо спросила я.

– Ой, Полина Олеговна, вы хотите поехать прогуляться?

– Нет, – процедила сквозь зубы я, – просто осматриваюсь.

Знакомлюсь с домом.

– Конечно, конечно, мы вас проводим.

– Не надо. Я сама справлюсь. Не отвлекайтесь, – как можно строже сказала я. Соглядатаи мне точно сейчас не нужны!

Девушки показали мне на серую дверь, спрятанную от посторонних глаз в небольшом коридоре. Я ее открыла, и запах бензина и смазочных масел сразу ударил мне в нос. Я вошла в большой, на несколько машин, гараж и огляделась. Роскошные большие автомобили лаково поблескивали в свете ламп и ждали, пока хозяин уделит им немного внимания.

– Я здесь, – услышала я приглушенный голос, присмотрелась и увидела, как из Лексуса выглядывает мужская рука.

– Ты с ума сошел?

– Лезь сюда. Тонировка скроет нас от нежелательных зрителей.

Глеб дернул меня и затащил внутрь салона.

Глава 8

В машине пахло дорогой кожей, хвойным ароматизатором и едва уловимо парфюмом. Я резко отодвинулась от бывшего друга и прижалась к окну.

– Откинься на сиденье, – приказал Глеб. – Вдруг кто-нибудь увидит.

– А ты не создавай опасные ситуации, – огрызнулась я. – Говори, что хотел. У тебя ровно одна минута. Меня сейчас потеряют.

– Не бойся. Босс еще в кабинете. Он мне позвонит.

– Говори!

– Ты с ним уже спала?

– Опять ты за свое. Я вышла замуж. Как ты думаешь, чем муж и жена нанимаются по ночам? – я намеренно не сказала ему правду.

– Полька, не играй со мной! Я зверею, как представляю тебя в его постели.

– Глеб, я не понимаю, что изменилось? Ты хотел выдать меня замуж и прибрать все наследство к рукам. Ты же не думал, что он в брачную ночь кони отбросит? Естественно, что муж будет требовать от жены секса. Я постараюсь, чтобы это было не так часто, но больше ничего обещать не могу.

– Поль, значит, ему надо помочь.

– В чем помочь?

– Быстрее на тот свет отправиться.

– С дуба рухнул? Я думала, что в отеле ты просто так брякнул.

– Не просто. Мысли об этом давненько бегают.

Глеб вальяжно развалился на сиденье и в упор посмотрел на меня. Я смешалась. Мысли и чувства взбунтовались.

– Мы не преступники, опомнись! Одно дело естественная смерть, и то не факт, что муж наследство мне оставит: наверняка он уже его заранее расписал.

– Босс крепкий парень. Можно и не дожидаться.

– Нет, погоди! Ты сейчас на полном серьезе говоришь?

Мне все время казалось, что Глеб меня разыгрывает. Вот сейчас он засмеется и...

– Есть много способов сделать так, чтобы смерть касалась естественной, – тихо произнес Глеб и искоса посмотрел на меня.

И тут я поняла: он действительно серьезно задумался над этим вопросом и даже исследовал его.

– Даже если ты что-то сделаешь Андрею, я в этом принимать участие не буду. Не надейся! И потом... у него сын есть! – прошипела я, кипя от злости.

Меня так и подмывало вцепиться ногтями с многотысячным маникюром в его рожу.

– Какой сын?

Кажется, теперь пришла очередь удивляться Глебу. Я смотрела на его растерянное лицо и даже злорадствовала:

вот тебе! Выкуси!

– Взрослый. Да ты его видел, он только что по саду гулял.

– А, Дибо! – Глеб облегченно засмеялся. – Да какой он сын. Так, с боку припека.

– Почему? Его Андрей сыном называет, и ведет он себя как хозяин жизни.

– Нет, ты все неправильно поняла. Этот красавчик не родной сын.

– В смысле? Приемный? – теперь растерялась я.

– Ну, типа того.

– А ведет себя как родной.

– Я спецом не спрашивал, но как-то адвокат проболтался, что на заре открытия бизнеса босс курировал детский дом. Так вот, в очередной его приезд выбегает ему навстречу цыганенок такой: черненький, глазастый, вцепился в ногу и кричит: «За мной папка приехал!» Босс же тоже черный и смуглый тогда был. Это сейчас у него голова седая. Своих детей к тому времени он так и не завел. Его Луиза, испанка хренова, не хотела с пеленками возиться.

– Злой ты, Глеб. Может быть, она болела по-женски.

– Да кто его теперь знает. Короче, босс цыганенка и забрал с собой. Пацану года три-четыре тогда было, и звали его по-русски – Ванькой.

– Стоп! Разве можно так просто из детского дома взять малыша?

– А кто спонсору откажет? Документы быстро сделали и

вперед.

– А дальше, что?

– Андрей Степанович принес его домой, а Луиза невзлюбила мальчишку. А когда регистрировали его, дала ему испанское имя Дьябло, говорила, что он на дьяволенка похож.

– Неужели Андрей позволил так поступить с ребенком?

– А он вроде бы в Испании в то время был, контакт с тамошними родственникам налаживал. Полька, да я точно не знаю, не интересовался. Какую сплетню слышал, ту тебе и передал. Может, и эти слова – неправда. Не обращай на него внимание. Он вообще в Испании живет, как сыр в масле катается на деньги шефа. Его Луиза туда выпроводила еще малолеткой. Иди ко мне.

Глеб полез с поцелуями, но я его оттолкнула:

– Уходи! Твоя минута истекла.

– Ладно тебе, не ломайся. Не трясись, нас никто не заметит.

Но судьба, словно сжалилась надо мной. Не успел он произнести эти слова, как пикнула сигнализация Лексуса. Следом поехала вверх гаражная дверь.

Сказать, что мы перепугались, не сказать ничего. У меня точно душа в пятки убежала и сжалась там в комочек.

– Все! Ужас! Нас застучали! – вскрикнула я пересохшими губами и задрожала. От злости, нервного напряжения, ощущения опасности. Адреналин бушевал в крови. Еще и Глеб бесил своей напористостью и легкомыслием.

– Сиди тихо! Не парься. Скажу, что машину готовил.

– Уходи, быстрее, – я, не отрывая глаз от расширяющегося просвета, стала выталкивать Глеба из Лексуса, – ты и меня, и себя погубишь.

– Уйду, если поцелуешь.

– Господи, господи! Ты что творишь! – всхлипнула я – На! Только отстань! – и подставила ему дрожащие губы, в которые Глеб впился так, будто хотел высосать из меня душу.

Ничего, кроме омерзения, у меня этот поцелуй не вызвал, но я боялась, что злой приятель может натворить непоправимых бед.

– Скоро снова встретимся, – махнул рукой он и выскользнул из машины.

Я калачиком свернулась на сиденье, боясь даже дышать. Я слышала шорох открывавшейся двери, голоса, доносившиеся с улицы, потом кто-то вошел в гараж.

– О, – услышала я голос Дибо, – я думал, что здесь никого нет.

– Я вам машину готовил.

– А почему дверь закрыл?

– Случайно вышло. По привычке пульт схватил.

Я осторожно подняла голову. Дибо стоял, небрежно нацепив на палец кольцо от ключей, и помахивал ими. Я, как замороженная следила за его движениями. Взмах – ключи метнулись вверх, упали вниз. Взмах – вверх, вниз. Вот он резко повернулся – я нырнула на сиденье и ударилась затылком о

дверь. Думал, что сердце выскочит из груди, а его громкий стук слышен всей округе.

– Там кто-то есть? – Дибо метнулся к Лексусу.

– Где? Это я ногой стукнул по колесу, – опять выкрутился Глеб.

– А-а-а. Как ты узнал, на чем я поеду? – задавал вопросы подозрительный Дибо.

«О, боже! Что делать? А если он сейчас в машину сядет?» – я почувствовала, как пот катится у меня по лбу, и первая капля даже упала с носа. Что делать? Я уже готова была кричать от захватившей меня паники, но Глеба не так просто было сбить с толку.

– Вы, когда приезжаете, Лексус берете, но сегодня не советую.

– А что с ним не так?

– Не понравился мне звук мотора. Лучше я вас отвезу вместе с Андреем Степановичем. Или другую машину возьмите. Но я их давно не проверял.

– Ладно, уговорил. Вызови мастеров, пусть посмотрят.

– Конечно. Надолго в этот раз в наши края?

Этот вопрос прозвучал приглушенно, а затем я услышала, как гаражная дверь поехала вниз. Дождавшись щелчка, я открыла машину и буквально вывалилась на пол. Ноги меня не держали, колени тряслись так, будто меня мучила лихорадка. Нет, я не подписывалась переживать такие стрессы. Что делать? Может, рассказать обо всем Андрею? А как же

Глеб? Столько лет дружбы на помойку не выкинешь.

Я на цыпочках подкралась к двери в дом, приоткрыла ее – никого. Проскользнула в коридор, прислушалась – тишина. Слава богу! Я сняла мокасины, приподнялась на носочки и рванула, чтобы на одном дыхании проскочить гостиную и скрыться в благословенной спальне.

– О, mi mamita! От кого ты прячешься?

Я обернулась: у двери в холл стоял Дибо и ехидно скалил зубы.

– Ик!

– Что, голос потеряла?

– Ик! Испугалась. Ик...

«Господи, икоты мне только для полного счастья не хватало! Выскочил, как черт из табакерки, и хочет, чтобы я не боялась». Эта тирада родилась в моей голове, но там и осталась. Я решила сцепить зубы и не ввязываться в перепалку, в которую меня затягивал Дибо. Мне завтрака вполне хватило. Мир в семье, со вчерашнего дня ставшей моей, намного важнее.

Осторожно, будто огибала ядовитую змею, я обошла названного сыночка и бочком, бочком прошмыгнула к лестнице. Расслабиться не получилось: следующий вопрос меня пригвоздил к ступеньке.

– А что ты в гараже делала?

– Где? – от неожиданности брякнула я.

– В гараже.

– Я там не была, – ответила я, не поворачиваясь, и поднялась еще на несколько ступенек.

Бежать! Бежать, пока этот гад не растерзал меня своими вопросами. Но Дибо думал иначе.

– Неужели? А чей нос я видел в стекле Лексуса? Я не дурак. Дважды два – оно и в Испании четыре.

– Я тоже не дура, – буркнула я себе под нос, продолжая подниматься. – Диплом МГУ тупицам не дают.

Зря я это сказала. Дибо не отставал, а еще обладал прекрасным слухом.

– Неужели, *mi mamita*? Так ты у нас не лыком шита? О, даже в рифму получилось.

«Не слушаю его, не обращаю внимания! Пусть мелет, что хочет, – внушала я себе, хотя сердце колотилось о ребра, а из горла рвался звериный рык. – Это пыль под моими ногами, букашка, таракан, которого надо раздавить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.